

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английской филологии и методики преподавания английского языка

**Переводческие трансформации при переводе научных статей по
юриспруденции**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

_____
дата

_____
подпись

Исполнитель:
Ковалева Юлия Ильи-
нична,
обучающаяся ЛПП-1501z
группы

_____
подпись

Руководитель:
Макеева Светлана Оле-
говна,
канд. филол. наук, доцент

_____
подпись

Екатеринбург 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ.....	7
1.1. Понятие перевода. Характеристика понятия переводческой трансформации.....	7
1.2. Особенности юридического языка.....	13
1.3. Особенности перевода научных статей.....	21
1.4. Эквивалентность в переводе юридического текста.....	27
1.5. Проблемы перевода юридической терминологии.....	29
Выводы по первой главе.....	34
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА ЮРИ- ДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ EPISTEMIC CLOSURE AND THE SCHECHER CASE», (2019) И «GENDER, LAW AND JURISPRUDENCE» (2018)).....	35
2.1. Краткая характеристика выбранного для исследования научного юридиче- ского текста.....	35
2.2. Специфика перевода научного юридического текста на лексическом уровне.....	37
2.3. Специфика перевода научного юридического текста на синтаксическом уровне.....	48
2.4. Специфика перевода научного юридического текста на стилистическом уровне.....	55
Выводы по второй главе.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	61
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	63
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	70
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	80

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена изучению специфики перевода юридической лексики как составляющего элемента современного научного текста юридической направленности. В основу анализа перевода положено понятие эквивалентности при переводе текста с ИЯ (исходного языка) на ПЯ (язык перевода), а также рассмотрение тех переводческих приемов, которые способны максимально обеспечить эту эквивалентность. Базой практической части исследования является выявление девиаций от этого показателя (эквивалентности, адекватности перевода). В работе исследуются особенности специфика юридического дискурса, а также ключевая специфика, свойственная английскому и русскому юридическим языкам, с подробной классификацией их сходств и различий.

Актуальность исследования заключается в следующем: 1. На современном этапе развития общества рост международных контактов, в том числе, юридического характера, приводит к тому, что все большее количество лингвистов и правоведов обращаются к изучению круга вопросов, связанных с проблемой перевода научных юридических текстов. 2. В данном исследовании перевод юридических текстов рассматривается не только с позиций применения переводческих трансформаций с целью достижения адекватности при переводе, но и с точки зрения выявления отклонений в достижении эквивалентности перевода, имеющих место на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях, что в современной лингвистической литературе применяется нечасто.

Новизна работы обусловлена тем, что:

1. Изучается специфика перевода современных научных текстов юридического характера. 2. Представляется комплексный теоретический анализ такого явления в юридической литературе как язык *legalese*. 3. Выделяются детально характерные особенности (на уровне лексики и синтаксиса) отличаю-

щие язык *legalese* от повседневного языка. 4. На примере перевода современной научной статьи юридической тематики демонстрируется процесс отбора необходимых лексических и грамматических средств языка перевода для достижения максимальной эквивалентности при переводе исходного текста. 5. Отдельно рассматривается такой аспект как достижение стилистической адекватности при переводе юридической лексики.

Теоретическая значимость заключается в теоретическом обосновании особенностей перевода юридической лексики на современном этапе языкознания, выделении переводческих решений по переводу юридической лексики и терминологии в научном тексте юридического характера и их интерпретации.

Практическая ценность работы обусловлена результатами, полученными в ходе проведенного исследования, которые могут быть использованы на практических занятиях студентов высших гуманитарных учебных заведений, посвященных тематике перевода юридического текста, научных текстов, в составе которых содержится юридическая лексика (терминология).

Объект исследования – специфика перевода юридической лексики и терминологии в научных текстах юридической направленности на уровне отбора необходимых переводческих трансформаций при переводе, а также на лексическом (лексико-семантическом), синтаксическом и стилистическом уровнях.

Предмет исследования - выявление и отбор переводческих решений в переводе специфической лексики и терминологии юридического дискурса в современных научных юридических текстах с целью достижения максимальной адекватности при их переводе с ИЯ на ПЯ.

Материалом исследования являются современные научные статьи юридической направленности «Epistemic closure and the Scheter case» («Эпистемическое закрытие и дело Шехтеров») Марка Тушне, опубликованная 2019 году в журнале «Harvard Public Law Working Paper» (No. 19-42) и «Пол, закон и юриспруденция») Джоанны Кониген, изданная в составе книги «Большие дебаты по вопросам пола и закона» в Лондоне в 2018 году.

Цель работы заключается в исследовании функционирования юридической лексики в научных текстах юридического дискурса и анализ ее перевода с ИЯ на ПЯ.

Данная цель обусловила постановку **следующих задач**, решаемых в исследовании:

1. рассмотреть понятие перевода, на основе анализа современной литературы дать определение понятию переводческой трансформации;
2. выделить характерные особенности юридического языка *legalese*;
3. исследовать специфику перевода научных статей юридического дискурса;
4. определить понятие эквивалентности при переводе юридического текста;
5. изучить особенности перевода юридической лексики и терминологии;
6. на базе практического современных научных статей юридического дискурса осуществить отбор необходимых переводческих трансформаций с целью достижения адекватного перевода текста с ИЯ на ПЯ на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях с составлением лингвопереводческого комментария;
7. на основе полученных результатов сформулировать соответствующие выводы.

Основу теоретической базы данного исследования составили современные труды отечественных и зарубежных специалистов в области перевода и вопросов, связанных с проблематикой перевода юридических текстов (Р. Newmark, Peter M. Tiersma, A. Capone, U. Kischel, X. Крингс, Ж. А. Голикова, Р. Р. Чайковский, С. И. Влахов, С.П. Флорин, Д. Селескович, А. Ф. Архипов, И. С. Алексеева, Е.Б. Берг, Н. Г. Надеждина, О. А. Юдина, Г. Б. Поспелова, Е. В. Щепотина и др.

Методы исследования обусловлены задачами, практическим материалом и общей целью работы. В теоретической части исследования основными методами стали обзор и реферирование современной научной литературы в

области переводоведения, теории перевода юридических текстов, юридической лексики и терминологии. В практической части работы для осуществления перевода научного текста юридической направленности с последующим предоставлением лингвопереводческого комментария относительно осуществленных в процессе перевода переводческих трансформаций на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях с целью достижения максимальной эквивалентности перевода юридического текста с исходного языка на язык перевода и с выделением в качестве примеров фрагментов были применены метод выборки, описательный и классификационный методы.

Структура работы представлена введением, двумя главами, выводами по главам, заключением, списком использованной литературы, приложением. Первая глава – теоретической направленности. В ней рассматривается специфика перевода и достижения эквивалентности при переводе научных текстов юридического дискурса в русском и английском языках, исследуются трудности при переводе специфической юридической лексики и терминологии, выделяются характерные свойства такого специфического понятия как юридический язык *legalese*. Вторая глава – практическая. В ней представлен лингвопереводческий комментарий по переводу научного юридического текста с анализом осуществленных переводческих трансформаций на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях, а также дано обоснование выбора конкретных переводческих решений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

1.1. Понятие перевода. Характеристика понятия переводческой трансформации

В переводоведении на современном этапе существует большое количество определений понятия перевод и переводческой деятельности. В первую очередь это обусловлено наличием разных подходов к переводческому процессу и теориями, в рамках которых ведется исследование как самого процесса перевода, так и его конечного результата. Различное отношение к переводческой деятельности, оценке ее значимости, наличие или отсутствие характерных особенностей «идеально» переведенного текста также оказывают влияние на то, что современное переводоведение не располагает единым, общепризнанным определением данного понятия. В широком смысле перевод трактуется в качестве замены исходного текста другим текстом, при этом как правило уточняется, что переведенный текст должен быть тождествен оригиналу. Ряд лингвистов предлагает собственные определения понятия перевода, в которых главное внимание уделяется какому-либо аспекту переводческого процесса или критериям его конечного результата (переведенного текста). Например, в определении перевода может быть указано на особую значимость точной передачи смысла исходного текста: “Translation is the rendering of the meaning of a text into another language in the way that the author intended the text.” (Перевод является передачей смысла текста с помощью средств другого языка при сохранении авторской мысли.) [54, с. 240] и пр.

Любой переводческий процесс является творческой работой по созданию нового текста, в котором отражается мировосприятие переводчика, его индивидуальное видение переводимого текста и в котором должен быть представлен весь его языковой и культурный опыт. В тоже время перевод состоит

из большого количества ограничений, переведенный текст должен «максимально соответствовать оригиналу, он не должен быть ни лучше, ни хуже оригинального текста» [47, с. 19].

С. И. Влахов, С. П. Флорин представляли перевод в качестве «языкового посредничества, при котором на другом языке формируется текст, подлежащий полноправной замене оригинала в качестве коммуникативно-тождественного последнему» [12, с. 131].

Согласно мнению Ж. А. Голиковой, «перевод - это вид языкового содействия, который полностью сфокусирован на иноязычном оригинале. Перевод считается иноязычной формой существования информации, содержащейся в оригинале. Межъязыковое общение, реализуемое с помощью перевода, в наибольшей степени отражает процесс непосредственной языковой коммуникации, при которой ее участники используют один и тот же язык» [14, с. 89].

Можно утверждать, что никем из лингвистов не отрицается тот факт, что процесс перевода состоит из двух важнейших этапов, а именно: этапа восприятия текста и этапа его воспроизведения. Д. Селескович, выстраивая свою переводческую концепцию на основе наблюдений за процессом синхронного перевода, рассматривает этап восприятия как выделение смысла без учета языкового содержания; что касается воспроизведения, оно, согласно мнению Д. Селесковича, заключается в использовании операций над идеями, а не над языковыми символами. Ученый не признает стадию анализа в устном переводе и не доверяет результатам письменного перевода, так как при анализе текста письменный переводчик может не обратить должного внимания на основное значение текста [44].

Ученые, уделявшие внимание проблеме письменного перевода (напр. Х. Крингс (1986)), выделяют в нем три этапа:

1. восприятие;
2. воспроизведение;
3. проверка переводного текста.

Ряд конкретных действий переводчика, производимых на каждом из перечисленных этапов работы над текстом, был обозначен общим наименованием «переводческие стратегии» [51].

Этап воспроизведения текста является наиболее изученным. Он представлен собственно переводом и теми конкретными средствами, которые способствуют его реализации: единицы перевода, а также различные виды соотношений языковых средств, устанавливаемых в процессе перевода [21].

Процесс перевода, как бы быстро он ни проводился иногда при отдельных, особо благоприятных или легких обстоятельствах, всегда имеет в своей основе два аспекта. Во-первых, для осуществления перевода в первую очередь переводчику следует точно истолковать самому себе смысл переводимого (посредством языковых образов, т.е. уже с переводческими элементами), сделать мысленный анализ (если исходный текст обладает той или иной степенью сложности), оценить его с критической точки зрения.

Во-вторых, для того, чтобы перевести оригинал, следует сделать отбор соответствующих выразительных средств в языке перевода (лексемы, фразы, грамматические и синтаксические формы). Таким образом, процесс перевода предполагает осознанное формирование предварительных соотношений между компонентами исходного языка и языка перевода.

В соответствии с мнением В. Н. Комиссарова, любая интерпретация подлинника, корректная или некорректная, и отношение к ней со стороны переводчика, положительное или отрицательное, в процессе перевода обретает результат - отбор языковых средств из словарного фонда языка перевода [22].

Как известно, процесс перевода не представляет собой простую замену единиц одного языка посредством единиц другого языка. Напротив, это комплексный процесс, который состоит из ряда сложных задач, которые переводчик должен решать при работе над текстом. Одним из способов, оказывающих помощь переводчику в этом процессе, являются переводческие преобразования или трансформации. Переводческие трансформации используются вслед-

ствие неполного сходства или различия языковых систем двух (русского и английского) языков. Сходство, присущее грамматическим признакам русского и английского языков, основано на их общей принадлежности к индоевропейской языковой семье и выражается в наличии общих для обоих языков грамматических категорий, значений и функций, напр.: категорий числа у существительных, категории времени у глагола, категорий степеней сравнения у прилагательных и т.д. Одновременно с этим различие проявляется в несхождении грамматических категорий, а именно: в наличии артиклей в английском языке, деепричастия в русском языке; полнозначном согласовании лексем между собой в русском языке, фиксированном порядке слов в английском языке и пр.

Основным понятием, представленным в теории перевода, является понятие эквивалентности. Когда указывается на то, что предложение на ИЯ (исходном языке) и его перевод эквивалентны друг другу, в первую очередь подразумевается их эквивалентность в плане семантики, т.е. логическая и грамматическая соотнесенность относительно одной и той же предметной ситуации. А. Д. Швейцер выделял два вида семантической эквивалентности – *компонентный* и *денотативный*. Учитывая тот факт, что в процессе перевода необходимо в первую очередь уделять внимание смыслу, т.е. одному из семантических составляющих языковой единицы, можно сказать, что семантическая эквивалентность возникает на базе присутствия в тексте исходного языка и тексте перевода одних и тех же сем. В таком случае тексты объединены в рамках *компонентной* семантической эквивалентности. Второй вид семантической эквивалентности, носящий название *денотативного*, обусловлен феноменом языковой избирательности. Суть его заключается в том, что одному и тому же предмету, и предметной ситуации может быть дано многоаспектное описание с помощью различных признаков, напр.: “Юридический акт лежит на столе” (предикат состояния), “Юридический акт положили на стол” (предикат действия) и “Я вижу юридический акт на столе” (предикат восприятия). Разные семантические предикаты взаимосвязаны между собой и представляют

собой взаимозаменяемые явления по причине описания одной и той же ситуации. В отличие от семантической эквивалентности на компонентном уровне, на уровне денотативной эквивалентности можно наблюдать смысловое расхождение между оригинальным текстом и текстом переведенным. Основу отношения эквивалентности в данном случае составляет приравнивание разных семантических составляющих, но соотнесенных при этом с одной и той же предметной ситуацией [48].

Таким образом, для реализации семантической эквивалентности необходимо использование разнообразных переводческих преобразований (трансформаций или замен). В плане компонентной эквивалентности чаще всего применяются трансформации, касающиеся грамматической структуры высказывания. В рамках денотативной эквивалентности требуется употребление лексико-грамматических трансформаций повышенной сложности, результатом которых становятся изменения в смысловой структуре высказывания.

В первую очередь, необходимо уточнить смысл, который вкладывается в понятие «переводческая трансформация». В современной лингвистике существуют большое число определений, предложенных такими лингвистами как Л.С. Бархударов, Л. К. Латышев, В. Н. Комисаров, Р. К. Миньяр-Белоручев, Я.И. Рецкер, А. Д. Швейцер, В. Е. Щетинкин, В. Г. Гак и др. Переводческие трансформации различными специалистами определялись по-разному. Так, например, Р. К. Миньяру-Белоручеву принадлежит следующее определение: «Трансформация составляет основу большинства переводческих приемов. Она заключается в изменении формальных (грамматические или лексические трансформации) или семантических (семантические трансформации) составляющих оригинала при сохранении информации, которая подлежит передаче» [33, с. 34].

Я. И. Рецкер называет переводческие трансформации «способами логического мышления, посредством которых мы выявляем значение лексемы оригинала в контексте и находим ему эквивалент в языке перевода, не совпадающий со словарным» [42, с. 76].

В соответствии с мнением А. Д. Швейцера, переводческие трансформации «представляют собой межъязыковые операции по смысловому перевыражению» [49, с. 121].

А. Ф. Архипов переводческие преобразования рассматривал как «технические переводческие приемы, суть которых заключается в замене регулярных соответствий нерегулярными», языковые выражения, которые образуются в результате использования подобных приемов» [Архипов, 1991, с. 84].

Л. К. Латышев с учетом двух критериев адекватного перевода – равноценности регулятивного эффекта исходного и переводного текстов и их семантико-структурного сходства – определяет переводческие трансформации как «отход от структурного и смыслового параллелизма, существующего между оригиналом и текстом перевода в пользу их равноценности в плане эффекта» [27, с. 86].

И. С. Алексеева в своей работе «Введение в переводоведение» (2004) определяет перевод в качестве «деятельности, заключающейся в вариативном перекодировании текста, созданного на одном языке в текст на другом языке, реализуемая переводчиком, который творчески подходит к выбору эквивалента в зависимости от вариативных языковых ресурсов, вида и задач перевода, типа оригинала и под влиянием собственной индивидуальности...» [2, с. 55].

Однако определение переводческих трансформаций, данное Л. С. Бархударовым, принято считать основополагающим, поскольку оно наиболее точно отражает сущность проблемы: «Перевод - это процесс преобразования языкового произведения на одном языке в языковое произведение на другом языке с сохранностью неизменного плана содержания, то есть, смысла» [8, 1975].

В целом, на основе рассмотренных определений можно сделать вывод о том, что переводческие трансформации представляют собой межъязыковые преобразования, перестройку компонентов оригинального текста, языковые

операции, производимые с целью перефразирования смысла для достижения переводческой тождественности.

1.2. Особенности юридического языка

На современном этапе развития лингвистики юридический язык принято считать не просто подстилем литературного языка в деловом аспекте. Языковеды все чаще приходят к мысли «выделить юридический язык в отдельную категорию в качестве автономного языка права» [51, с. 10]. Лингвисты полагают, что даже если имеет место существование языка права, то такой язык представляет собой специфическую составную часть обычного языка. Например, в соответствии с мнением Н. Д. Голева, допустимо называть юридический язык в качестве отдельного языка права. В данном контексте ученый считает, что «юридический язык является основным компонентом правовой структуры» [13, с. 40-43].

Юридический язык иногда рассматривают как диалект обычного литературного языка, однако мы находим такую точку зрения ошибочной, особенно с учетом территориального критерия языковых диалектов языка, т.е. с географическим местоположением. Указанная теория лишь частично указывает на природу понятия юридического языка. Тем не менее, «рассматривается допустимым говорить о диалектах юридического языка в рамках одного языка» [59, с. 12-15]. Данную позицию разделяет и П. Тиерсма. Ученый пишет о необходимости выделения диалектов юридического языка, например, в английском юридическом таких государств как Великобритания, США и т.д. В диалектических границах юридического английского языка одна и та же лексическая единица может обладать разным значением, одинаковые понятия могут иметь разные обозначения и т.д.: так, например, в США апелляционные суды выполняют функцию подтверждения или отмены решения нижестоящих судов, в Великобритании апелляционные суды могут отменить апелляцию или

разрешить ее. Правовые сферы США и Великобритании “носят разные наименования: например, американское “Corporate law” соответствует английскому “Company Law” [58, с. 43-45]. Среди устойчивых сочетаний следует отметить определенные различия между американским и британским диалектом английского юридического языка: *attorney* (амер.) / *advocate* (брит).

Язык закона является общелитературным языком, однако он обладает спецификой, которая предоставляет возможность условного выделения юридического языка. При сопоставлении с обычным языком, юридический язык иногда рассматривают как искусственный язык в пределах того естественного языка, к которому он принадлежит.

Что касается лексического состава юридического языка, то основная его особенность заключается в наличии уникальных терминов, которыми он представлен. Часть терминов одного юридического языка характеризуется интернациональным характером, т. е. она присуща большому количеству других юридических языков. При этом многие термины сохраняют свою уникальность в пределах одного конкретного юридического языка.

Характерная особенность юридического языка объясняется наличием в нем двух элементов - языка и права. В настоящее время понятие юридического языка не обладает точным определением, поскольку «юридический язык» изучается с различных ракурсов, принимая во внимание при этом разнообразие его функций – законотворчество, профессиональную деятельность правоведов и т.д.

В соответствии со сложившейся научной точкой зрения о юридическом языке он может быть определен в качестве социально и исторически обусловленной системы правил вербального выражения категорий и понятий, «разработанных с целью применения в рамках правового регулирования деятельности субъектов социальных отношений» [50, с. 218-219].

Понятие legalese. В юридическом английском языке переводчики часто сталкиваются с таким понятием как *legalese*. Согласно определению Е. Б. Берг,

«Это специфический юридический язык, отличающийся особой манерой построения фраз и предложений...» [9, с. 132]. *Legalese* представляет собой английский термин, как правило используемый в качестве синонима к понятию юридического стиля речи. Юридический английский язык (Legal English) является одной из форм английского языка, применяемой юридическими работниками в деятельности; данный вариант языка также часто используется при оформлении документов юридического характера, а именно: судебных заявлений, повесток, контрактов, лицензий, протоколов, письменных изложениях фактов, юридической корреспонденции и др. Это специфический язык, использующий особую манеру построения фраз и предложений, которые для лиц, не знакомых с тонкостями английской юридической лексики, могут представляться не имеющими смысла.

Юридический английский язык отличается следующими характерными чертами:

- 1) наличием сложных формулировок и клише юридического характера;
- 2) частотным использованием иностранных словосочетаний, обычно латинского и французского происхождения, напр.: *héritage, patrimoine, usufruit, causa justa, iudicium privātum, in dubio pro reo* и др. [6]. Так сложилось исторически, что после завоевания норманнами британских островов в 1066 году и установления господства французского языка на территории Англии на протяжении четырех последующих веков, английский язык был обогащен большим количеством заимствованных слов французского и латинского происхождения, особенно в таких областях как политика, судопроизводство, наука, культура, религия. В официальном порядке французский язык функционировал в качестве языка английских судов вплоть до XVIII века (1731 год). По этой причине и в современных юридических текстах по-прежнему встречаются иностранные выражения, напр.: *persōna non grata* (лат.) - лицо, не пользующееся доверием, *contra legem* – (лат.) - против закона, *action civile* (франц.) – гражданский иск, *cas de force majeure* (франц.) – непреодолимая сила, форс-мажорные обстоятельства [6].

Перевод терминов, имеющих латинское, французское и греческое происхождение, на неофициальный язык часто осуществляется посредством замены слов или фраз англосаксонского происхождения. Например, вместо *begin* - *commence*, вместо *finish* - *conclude*.

3) правовой язык обладает собственной лексикой права. Ему свойственно использование правовых архаизмов: типичный пример архаичных форм представляет собой употребление устаревших форм местоимений, например, таких, как *ye* и *thou* или формы глаголов 2-го лица единственного числа, вышедшей из употребления в современном английском языке: *giveth*, *takest* и т.д. [9, с. 15-17]; повторное использование определенных количества слов и оборотов: *as the above was stated said, as stated below* (как утверждалось выше, как указано ниже); Еще одним довольно распространенным для английского юридического языка явлением, возникшим несколько столетий назад, является использование причастия *said* в качестве указательного местоимения, напр.: *John agrees to pay a deposit. Said deposit shall accrue interest at a rate of seven percent per annum*. «Также частой разновидностью *said* в английских юридических текстах выступает *aforesaid* (как прежде было сказано)» [9, с. 15-17]; в некоторых сферах правового лексического фонда наблюдается активное использование неологизмов, например, *zoning* - зонирование, *palimony* - алименты, предназначенные сожительнице (вне зарегистрированного брака) [6].

Юридический английский язык характеризуется наличием в своем составе формальной и условной терминологии. Это необходимо для разграничения юридической сферы и обыденной жизни. При этом порой употребляются такие правовые лексемы, которые, как правило, не знакомы обычным носителям языка, напр.: *promissory estoppels* – наложение вето на право возражения по причине сделанного обещания; *waiver* - обращение в судебную инстанцию с заявлением об отказе от права; *restraint of trade* – (ограничение свободы заниматься коммерцией) [6].

Наличие узкоспециальных терминов в правовой литературе составляет 30-40% процентов всех ключевых лексем. Часто посредством условных словосочетаний и слов в юридических текстах отмечается начало или завершение каких-либо событий; например, *should* носит значение ввода в курс обстоятельств. Также в рамках юридического английского языка имеет место употребление таких слов и выражений, которые не обладают никакой семантической нагрузкой в обычном понимании, однако, в *legalese* за ними закреплено конкретное значение, напр.: *nemo dat (nemo dat quod not habet* – правило, в соответствии с которым никто не может продать или передать в собственность то, чем не владеет на законном основании, *replevin* – виндикционный иск о восстановлении владения движимой собственностью.

В юридических английских документах также можно наблюдать использование слов и выражений, имеющих наряду с обычным смыслом специфическое юридическое значение, напр.: *tort of nuisance* – гражданско-правовой деликт, базирующийся на нарушении праве лица владеть имуществом; *valuable consideration* – соответствующее встречное удовлетворение как одна из необходимых составляющих договора, содействующая его принудительному осуществлению.

Юридические английские тексты часто представлены выражениями, состоящими из нескольких слов, которые обозначают одно и то же понятие, напр.: *null and void* – недействительный (завещание, договор и т.п.); *controversy or claim* – требование (претензия), *fit and proper* – соответствующий, *request and require* – запрос. Возникновение подобных фраз обусловлено также прежней распространенностью латинского и французского языков в сфере английской юриспруденции: *complaint and petitio* - завещание (англ./лат.), *agreement and contrat* - договор (англ./франц.). Однако, присутствуют и словосочетания, в состав которых входят исключительно английские синонимы: *have and hold* – удерживать, сохранять, *over and above* – сверх того.

Обычно лексемы, представленные в подобных дублетах, имеют тождественное друг другу значение и, как представлено в вышеприведенных примерах, переводятся, как правило, одним словом [6];

4) в юридических текстах имеет место частое использование существительных, образованных от глаголов (напр.: *violation* – правонарушение, от глагола *violate* - нарушать), что дает возможность достичь оптимальной точности выражения; обычным явлением в речи и текстах правового характера является употребление таких модальных глаголов как *shall* и *may*. Модальный глагол *shall* в правовых актах и документах используется в архаичном значении обязательства, а не в значении действия, которое должно осуществиться в будущем, модальный глагол *may* имеет значение «обладать правом» [6].

В правовом языке часто наличествует излишняя синонимия, напр.: *promptly and forthwith, in good order and condition*; наблюдается употребление таких устойчивых словосочетаний как *whichever is later, act or omission, is subject to, as the case may be* и т. д. Обычно правовые документы характеризуются отсутствием использования местоимений. Им также свойственно наличие большого количества отрицаний. Ряд специалистов полагает, что их число избыточно.

В некоторой мере это обстоятельство может представлять собой результат судебных запретов, юридической регламентации, однако, согласно исследованиям, было выявлено, что использование отрицаний негативно сказывается на коммуникации, поэтому, прибегать к ним следует достаточно редко.

Ряд характерных особенностей юридического английского языка не несут никакой коммуникативной нагрузки, их легко можно опустить, поскольку их присутствие в тексте препятствует его пониманию. Вопреки этому, одним из ключевых аргументов, свидетельствующих в пользу употребления отдельного юридического языка, является утверждение о том, что ему присуще очень точно выделять смысловые взаимосвязи в содержании текста.

Один из способов достичь точности выражения мысли заключается в повторе существительных, а не в употреблении местоимений (напр.: «он»,

«этот»), когда в тексте приводится упоминание о человеке или предмете. Местоимение в указанном контексте может быть воспринято неоднозначно, поэтому данный способ содействует точности изложенной мысли. Иногда правоведы избегают использовать в текстах местоимения на постоянной основе, даже там, где исключена любая двусмысленность. Как правило, при составлении документов юридического характера авторы употребляют мужской род вместо женского, категорию единственного числа вместо множественного, настоящее время вместо будущего. Также следует указать на то, что в юридических текстах встречается большое количество предложений с пассивным залогом. Это обусловлено стремлением авторов достичь точности выражений, не акцентировать субъект правонарушения в том случае, когда отсутствует доказанная информация относительно личности совершившего преступление. Использование пассивного залога, т.е. обезличивание, придает правовому тексту значение объективности, вследствие этого пассивные конструкции часто представлены в актах судебных приговоров. Не менее часто данные конструкции встречаются в контрактах, где обычно точно расписаны обязанности заинтересованных сторон [3].

Юридическую речь также отличает регулярное употребление в ней таких местоименных наречий как *thereof, hereinafter, whereas*, которые реже можно обнаружить в текстах, принадлежащих другим функциональным стилям; в юридических документах также часто наличествуют сочлененные обороты, состав которых представлен такими лексемами как *or, and, as I say, residue and remainder*; использование данных лексических единиц в текстах правового характера наблюдается еще с времен англосаксов, и в настоящее время их распространенность в юридическом языке очень высока. Употребление подобных речевых оборотов содействует наиболее полному выражению мысли, постановке необходимого акцента [26].

Для юридической речи свойственно использование безличных конструкций. Оптимальным примером является отсутствие употребления в пра-

вовых текстах грамматических категорий первого и второго лица. Использование грамматической категории третьего лица способствует привнесению особый коммуникативного значения. Например, судьи в рамках официального судебного разбирательства, говоря от первого лица, используют слово «суд», а не «я» («суд постановил»), что содействует формированию у слушателей впечатления авторитетности и объективности, тем самым увеличивая престиж судебной системы. Данное языковое явление чаще всего применяется при составлении судебных решений и нормативных актов правового характера, однако иногда подобный формализм встречается и в процессе повседневного общения правоведов. Необходимо указать на тот факт, что в настоящее время все чаще наблюдается тенденция к замене *legalese* на обычный, повседневный английский язык. Но, несмотря на это, английские юристы отрицают возможность полного отказа от употребления *legalese* в контексте правовой теории и практики. Защиту традиционного юридического стиля поддерживают следующие аргументы. Терминология, выработанная на протяжении многих веков, исключает любую возможность некорректной интерпретации содержания документов. Язык *legalese* является более точным, чем общепринятый английский язык [9]. Другим аргументом, свидетельствующим в пользу употребления языка *legalese* является то, что необходимость учета всех возможных обстоятельств в данном случае представляется более важной, чем краткость изложения и емкость формулировок. Употребление громоздких юридических языковых построений вызвано необходимостью использования точных дефиниций для явлений юридического плана. Правовая терминология должна исключать двусмысленность, а формулировки должны быть максимально точными [9].

С учетом вышеизложенного, можно сформулировать следующие выводы: юридический текст представляет собой важнейшую предпосылку правовой коммуникации. Функциональный подход к языку предоставляет возможность определения текста в качестве единицы, посредством которой реализуется речевое общение. Текст рассматривается как динамическое явление,

сформированное в рамках реального общения, и, вследствие этого, имеет специфические языковые параметры. Текст, ориентированный на коммуникативный процесс, побуждает обратиться к изучению прагматики юридического текста. Правовая коммуникация подразумевает в своей основе передачу юридической информации от законотворческого органа законоприменителю, т. е. государственным, муниципальным органам, юридическим и физическим лицам.

1.3. Особенности перевода научных статей

Научный стиль английского языка обладает своими характерными особенностями, вследствие чего перевод с научных статей с английского языка на русский требует от переводчика грамотного соотнесения грамматических конструкций и лексического состава одного языка с другим, с учетом специфик научного стиля в целом.

Лексические особенности перевода научных статей. Одной из основных характерных особенностей, свойственных научному стилю английского языка, является специфика использования лексики. Тексты научного стиля часто содержат большое количество узкоспециальных терминов. «Термин (от лат. *terminus* – граница, предел) представляет собой уникальное слово или словосочетание, нейтральное в плане эмоциональности, принятое в определенной профессиональной области и употребляемое в особом контексте» [20, с. 43]. В соответствии с определением В. Н. Комиссарова, «термины представляют собой слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты какой-либо конкретной сферы науки или техники» [23, с. 110]. Структура русскоязычных терминов-эквивалентов может не совпадать со структурой английских терминов, например, различного местоположения в словосочетании или предложении их элементов, напр.: *business entities* – субъекты предпринимательской деятельности, что вызывает необходимость в процессе перевода использовать такой переводческий прием

как *перестановка слов*. В соответствии с определением, данным Н. В. Комиссаровым, «перестановка как вид переводческой трансформации представляет собой изменение порядка следования языковых единиц в тексте перевода по сравнению с подлинным текстом» [22, с. 75]. Также может наблюдаться различие в количестве компонентов, характеризующее русские термины-корреляты и их англоязычные эквиваленты, напр.: *anticompetitive practices* – практика недобросовестной конкуренции. Это связано со смысловой емкостью английского языка, с учетом которой при переводе оригинальных фраз на русский язык необходимо почти всегда использовать такую переводческую трансформацию как *лексическое добавление*. Согласно определению Н.Г. Надеждиной и О.А. Юдиной, «прием лексических добавлений представляет собой добавление лексических единиц в процессе перевода с целью передачи имплицитных (подразумеваемых) семантических составляющих оригинала» [34, с. 4].

Дополнительно, для научного стиля характерно употребление специфической фразеологии, устойчивых словосочетаний, клишированных фраз. Иногда подобные русские и английские фразы в научном тексте находят свое полное лексико-семантическое совпадение, напр.: *to bring a bill* вносить (представлять) законопроект. В данном примере английский глагол *to bring a bill* на русский переводится с сохранением своего буквального значения *вносить*. В русско-английском словаре можно найти такой вариант употребления данного выражения (*to bring in a bill*), «который можно считать частичным эквивалентом» [37, с. 41]. В русском словосочетании сема «первичное осведомление о чем-либо» может быть также выражена с помощью глагола *представлять*, что способствует более яркой передаче смысла и, таким образом, вызывает необходимость в данном случае использовать прием *лексической замены* отдельного компонента устойчивого словосочетания. Л. Л. Нелюбин в своем «Толковом переводческом словаре (2003) определял прием лексической замены следующим образом: «Это замена лексических единиц, отдельных слов

исходного языка лексическими единицами языка перевода, которые не являются их лексическими аналогами» [35, с. 97]. Иногда англоязычное клише состоит из лексических составляющих, одно из которых может быть полностью антонимичным по отношению к аналогичному русскому словосочетанию, напр.: *to take an oath* – давать присягу (букв. брать клятву). Состав русского и английского терминологических словосочетаний представлен противоположными по смыслу глаголами общеупотребительного языка (давать/ брать). Любопытным является тот факт, что в русском языке направление действия исходит от субъекта, тогда как в английском языке субъект выполняет функцию реципиента. Это связано с тем, что в британской юридической системе дача присяги рассматривается как обещание, данное пред Богом, говорить правду. Например, по традиции, свидетель произносит следующую клятву: «*I swear by Almighty of God that the evidence that I shall give shall be the truth, the whole truth and nothing but the truth*») [54, с. 337]. В таком случае переводчик должен использовать такой переводческий прием как *антонимический перевод*. По мнению Л.С. Бархударова, под термином «антонимический перевод» следует понимать «комплексную лексико-грамматическую замену, суть которой состоит в преобразовании отрицательной конструкции в утвердительную, или, наоборот, утвердительной в отрицательную, при этом одна из лексем переводимого предложения исходного языка заменяется на ее антоним в языке перевода» [8, с. 215].

Ключевой целью научной литературы в целом и отдельных научных статей в частности является стремление как можно более точного описания и объяснения конкретных фактов. По этой причине в научных текстах наличествует широкое преобладание таких грамматических частей языка как существительные, прилагательные и формы глагола неличного свойства. Объясняя предметную ситуацию, английский язык часто использует иную, чем русский, исходную точку в изложении, выбирает иной предикат или расположение признаков. Английскому языку, в частности, свойственно преимущественное употребление глагольных форм.

Для русского языка, напротив, характерно более широкое использование действий и признаков опредмеченного характера, что находит свое отражение в более частом, чем в английском языке, употреблении существительных. В английской научной (в частности, юридической) литературе частотность употребления личных форм глагола в страдательном залоге очень высока. Это связано с тем, что основное внимание автора уделяется точному изложению и описанию конкретных фактов, вследствие чего личность самого автора уходит на второй план, а на первое место выдвигаются обозначения предметов, явлений, процессов и т. п., которые в соответствии с фиксированным порядком слов, свойственным английскому языку, становятся подлежащими. В русскоязычных научных текстах страдательный залог также употребляется с довольно большой частотностью, но несколько реже, чем в английском языке [17].

Все вышеуказанные особенности английских научных текстов при переводе их с английского на русский язык для согласования их с нормами русского языка потребуют от переводчика использования такого переводческого приема как *грамматическая замена части речи* (английский глагол – русское существительное).

Синтаксические особенности перевода научных статей. Синтаксические особенности оформления научных текстов, как правило, характеризуются синтаксической полнотой оформления высказывания (т.е. с использованием составного именного сказуемого: *the witness is unshakable in his conviction*, «присутствием аналитических конструкций (так называемых номинативных биномов): *get accused of, start writing, have a look, go on, uplift, going-over* и т.п.» [39, с. 8–14], номинативностью (именной характер морфологической части предложения): *at the time of our arrival*, «наличием безличных, неопределенно-личных оборотов: *there is evidence that the person committed the crime*» [61, с. 1-3]. Как отмечает Г. Б. Пospelова, в научных текстах также присутствует преобладание настоящего времени глаголов, использование кото-

рого позволяет презентовать излагаемые сведения как абсолютно объективные, находящиеся вне временных ограничений, как истину в последней инстанции [39].

Стилистические особенности перевода научных статей.

Английский научный стиль в отличие от соответствующего русского характеризуется тенденцией к экономии языковых средств. В качестве средства языковой компрессии часто выступает широкое применение в научных текстах атрибутивных конструкций. «Чаще всего это двучлен (реже трехчлен), у которого обе его составляющих (стержневая и зависимая) связаны посредством синтаксической (атрибутивной) подчинительной связи» [4, с. 133].

Логичность изложения также подразумевает тесную взаимосвязь с такими стилеобразующими факторами научного текста как связность и последовательность. Так, например, англоязычные юридические статьи содержат широкий ряд средств формальной и семантической когезии. «Значительная их часть представлена наречиями и союзами, которые выполняют функции связующих речевых элементов, напр.: *in consequence of, as a result, in connection with, according to* и т.д.» [61, с. 1-3].

Стиль изложения научного (юридического) текста должен соответствовать стилю тождественного материала на языке, на который осуществляется перевод, однако при переводе целого ряда текстов стиль исходного материала может быть сохранен и в переводе.

При переводе научных (юридических) текстов следует принимать во внимание, что многие обычные слова в юридическом контексте могут принимать терминологическое значение, поэтому, во избежание вмешательства в научный (юридический) документ каких-либо общеизвестных значений слов и выражений, имеющих общее или специальное значение, необходимо прибегать к использованию соответствующих словарей и лексикологических справочников.

Все вышеуказанные лексико-синтаксические и стилистические особенности научных (юридических) текстов служат одной цели: выражению объективности описываемой в них информации, устранению коммуникационных барьеров и приданию коммуникации наибольшей эффективности.

Как видно из вышеизложенного, научный стиль английского и русского языков обладает как схожими признаками, так и различиями. Именно этот фактор представляет собой основную трудность при переводе научных статей. В научном стиле русского языка, в отличие от английского, нередко наблюдается доминирование сложносоставных предложений, усложненных большим количеством придаточных, посредством которых процесс их перевода становится затруднительным. В подобных случаях переводчику приходится использовать различного рода трансформации. Например, членение слишком длинных предложений на несколько или применение лексической компрессии (опущения) тех или иных «избыточных» слов в процессе перевода. Масштаб и глубина переводческих трансформаций бывают различными в зависимости от сложности текста и поставленных перед переводчиком целей.

В любом случае, перевод научного текста должен корректно передавать смысл подлинника в форме, как можно более сходной с формой оригинала. Отступления должны быть оправданы особенностями структуры русского языка, семантическими и стилистическими требованиями. Перевод в целом не должен являться ни буквальным, ни вольным переложением изначального материала, хотя отдельные элементы того и другого присутствуют в обязательном порядке. Ключевой задачей переводчика всегда остается не допустить в процессе перевода утраты существенной информации подлинника.

1.4. Эквивалентность в переводе юридического текста

Достижение эквивалентности перевода текстов юридической тематики выдвигает перед переводчиком ряд специфических задач, которые в первую очередь обуславливаются различиями правовых структур. С учетом всех сложностей, связанных с юридическими языками, правомерным может считаться вопрос, существует ли возможность достижения оптимальной эквивалентности при переводе юридических текстов. В соответствии с мнением Увэ Кишела (Uwe Kischel), филологи и юристы придерживаются различных точек зрения в отношении данного вопроса. Среди них необходимо подчеркнуть идею о том, что юридический перевод является мифом, а эквивалентность в нем практически недостижима [52, с. 8-12]. В основу данного мнения положены ключевые проблемы сравнительного правоведения: эквивалентные в лингвистическом плане термины во многих случаях не будут иметь совпадений в разных юрисдикциях по количеству понятий и областям применения. Правовая значимость понятий может обладать значительным различием в разных языковых системах, взаимоотношениях концептов и понятий в рамках системы языка права, вместе с тем юридическая культура оказывает влияние не только на семантику и употребление терминов, но и на их использование в условиях практики. В результате подобного несоответствия при переводе текстов юридической тематики следует переформулировать вопрос относительно того, какой перевод является верным, и по возможности ответить на вопрос о том, какой перевод может быть менее неверным.

Частично придерживаясь схожей точки зрения, С. Сарсевик утверждает, что в юридическом переводе часто могут наличествовать непереводимые лексические единицы. В частности, к ним относятся правовые понятия, которые не соответствуют нормам языка перевода или вообще в нем никак не представлены [57, с. 91-92]. Идеи такого рода нередко подвергаются сомнению, ученые не могут ответить однозначно на вопрос о том, является ли правомерным де-

лать подобные утверждения, или это просто может рассматриваться как преувеличение. Утверждения о невозможности достижения абсолютной адекватности в процессе перевода юридических текстов часто подвергаются оспариванию на практике. Опыт осуществления переводов доказывает, что переводить тексты правового характера, например, документы по законодательству, не только возможно, но зачастую удается это сделать даже вполне качественно. Несомненно, что в процессе перевода переводчикам приходится решать определенный ряд сложных задач, однако, как показывает практика, большинство из них не представляются неразрешимыми.

Одним из главных препятствий к тому, чтобы интерпретация юридического текста повсеместно была тождественной и применимой, заключается, как было указано выше, в различиях правовых структур. В отдельных случаях, достижение тождественного толкования текста на практике почти не представляется возможным, что может быть обусловлено значительными вариациями правовых систем. Очевидно, что переводческий процесс может быть существенно упрощен в случае, если исходный язык и язык перевода относятся к одной и той же юридической системе [60].

Тип текста и информация, которая в нем представлена, представляют собой те аспекты, которые определяют специфику юридического перевода и непосредственно влияют на выбор конкретных переводческих приемов в рамках переводческой стратегии.

В процессе перевода правовых текстов переводчику следует придерживаться техники юридического перевода, которая, в соответствии с мнением В. Калины, может быть обозначена в качестве совокупности положений, правил, средств, способов, приемов реализации эффективной межкультурной коммуникации в сфере правоведения на базе успешного овладения юридической терминологией и стилистикой юридических текстов на исходном языке и языке перевода «с учетом обязательного освоения понятий права и свободной ориентацией в правовых картинах мира участников коммуникации» [18, с. 2-6].

Перевод текстов юридической тематики, осуществляемый с одного языка на другой, подразумевает не только переход от одной системы языка к другой, но и одновременно переход от одной юридической системы к другой правовой структуре. Обычно наибольшую трудность в сфере юридического перевода представляют процессуальное и семейное право, а также административное государственное устройство. «Меньше всего сложностей для переводчика составляет торговое право, международное право и др.» [29, с. 9].

Таким образом, для реализации адекватного перевода правового текста переводчику следует сделать не только отбор тождественных лексем в языке перевода, но и по возможности максимально адаптировать текст перевода к нормативам и специфике того языка права, на который осуществляется перевод.

1.5. Проблемы перевода юридической терминологии

В научной литературе слово «термин» (лат. «terminus» - предел) определяется по-разному, хотя мнение лингвистов совпадает относительно следующих характерных свойств данного понятия: наличие дефинитивности; краткость; точность; отсутствие двусмысленности значения; последовательность; эмоциональная и стилистическая нейтральность.

Те не менее, на практике, термин далеко не всегда отличается однозначностью, он обладает определенной синонимичностью, у него есть дополнительные элементы семантического или стилистического характера, обладающие устойчивой взаимосвязью с основным значением. Такие отечественные ученые как Н.Н. Ивакина (1997), Е.В. Щепотина (2010), Т.В. Ускова (2016) и многие другие ведут активное исследование проблем, связанных с терминологией, утверждая, что достичь абсолютной однозначности термина («один термин – одно понятие») не представляется возможным. В дополнение к этому, потеряло свою актуальность требование соблюдения краткости термина, по-

скольку отдельные специалисты предпочитают использование полностью мотивированных терминов, отличающихся максимальным набором дифференциальных признаков обозначаемого понятия.

Тем не менее, у терминов есть характерные специфические признаки, отличающие их от общеупотребимых слов:

- 1) точное обозначение конкретных предметов, явлений, понятий;
- 2) однозначность слов (словосочетаний), отсутствие синонимов, нередко наличие лексем иноязычной этимологии;
- 3) наличие в рамках термина наиболее точной, обобщенной, значимой дефиниции естественно-научных и гуманитарных дисциплин [41, с. 154-160].

Научная литература подразделяет термины на два вида: общенаучные термины (общенаучная лексика) и специальные термины (термины номенклатурного типа). Общенаучная лексика используется для определения общенаучных и общетехнических понятий. В свою очередь номенклатурные термины, как правило, употребляются в определенной специфической области знаний. Так, юридические термины представляют собой специальные термины, являющиеся вербальными обозначениями понятий, которые используются для интерпретации содержания норм и положений права.

Другая специфика, свойственная терминам юридической системы, заключается в единстве и сочетаемости слов, особых связях между лексическими единицами, вследствие чего дифференцируются широкое и узкое значения лексем (так, в языке права значение узкоспециального характера приобретают такие лексические единицы как, как «состав», «свобода», «доверие» и т.д.). Юридические термины объединены различными взаимосвязями, в которых посредством одной лексемы формируются устойчивые словосочетания с выражением близких понятий. Например, с помощью термина «право» образуются такие словосочетания юридического значения как *legal capability* «правоспособность», *legal ownership* «правообладание», *legal wrong* «правонарушение» и пр.

В процессе перевода текстов юридической тематики трудности могут составить следующие типичные проблемы:

1. *Полисемия (многозначность) терминологии в юридической сфере.* Неоднозначность терминов может быть выявлена лишь в рамках контекста и глубины изучения исследуемой проблемы. Например, термин «agreement» в юридической литературе часто представлен через «treaty» (договор). Казалось бы, эти два понятия тождественны. Однако «agreement» также может иметь такие значения как «согласие», «решение». «Одновременно «treaty» в ряде случаев подразумевает не «договор» (договоренность), а процедуру переговоров, направленных на его заключение» [31, с. 123-124]. В таких случаях переводчику необходимо обращаться к изучению рассматриваемого контекста перевода, а также к помощи двуязычных словарей.

2. *Новое значение общеупотребительной лексики.* В правовом языке наблюдается частое употребление слова и словосочетаний, принадлежащих разговорному, книжному стилям, свойственных нейтральной лексике. Специфика такой лексики заключается в том, что данные лексемы в текстах юридической тематики часто обретают новый смысл. Вследствие этого, если применение основного значения общеупотребительного слова в конкретном контексте не представляется возможным, «следует в соответствии со словарем найти другие значения слова, на этот раз с учетом более узкого значения лексической единицы, напр.: *good offices* «посредничество в делах», *game law* «закон о правилах охоты» [41, с. 154-160].

4. *Выбор русскоязычного коррелята для понятийной лексики.* К понятийной лексике принадлежат слова общелитературного языка, употребление которых часто наблюдается в конкретной области, например, в текстах договоров, полицейских протоколах, судебных документах и т. п. Поскольку такие лексемы сохраняют свое общее значение, их нельзя рассматривать в качестве юридических терминов. «Тем не менее, по причине частого использования в какой-либо юридической сфере права в обоих языках за такими словами фикс-

сируются устойчивые узусные соответствия, напр.: *allow the appeal* – позволить (удовлетворить) апелляцию» [29, с. 127]. Для корректного перевода терминологии такого плана переводчику необходимо обратиться к специальным лексикологическим справочникам и словарным статьям двуязычных словарей.

5. *Ложные друзья переводчика*. Так называемые «ложные друзья переводчика», т.е., интернациональная лексика привносят дополнительную сложность в процесс перевода юридических текстов, поскольку далеко не всегда при переводе иноязычных заимствований в языке перевода употребляются те же слова. Например, словосочетание *court reporter* «имеет значение «секретарь суда», а не судебный репортер, *marshal* – это «судебный исполнитель», а не носитель высокого военного чина и т.д.» [29, с. 127].

6. *Метафорическая и идиоматическая терминология юридической сферы*. Группа терминов данного типа представлена словосочетаниями, содержащими лексемы с метафорическим значением, а также терминами-фразеологизмами. Фразеологическими единицами называются устойчивые словосочетания, которые отличаются неизменностью лексического ряда и осложненным значением. «Значение фразеологической единицы невозможно вывести из отдельных, составляющих ее, элементов, а также его невозможно выделить на основе сложения значений данных элементов» [38, с. 92-94].

Языковые идиомы представляют собой устойчивые, давно сложившиеся, обладающие эмоциональной окраской, обороты речи, происхождение составных компонентов которых может быть неизвестно даже для носителей языка, что, тем не менее, «в целом не препятствует адекватному их восприятию» [38, с. 92-94].

Трудность перевода идиоматической и метафорической терминологии состоит в том, что дословный перевод всех элементов идиомы (калька) «в подобных случаях обычно не дает возможности угадать их значение, «напр.: *the freedom of the rule* – право на выступление в шотландских судах [для шотландского адвоката), *be art and part in smth* – соучаствовать в преступлении» и т.д.» [15, с. 18].

7. *Имплицитная терминология.* Иногда английские термины юридического плана имеют в своем составе формально невыраженные компоненты значения, так называемые имплицитные семы. Сема представляет собой минимальный, не членимый, составной элемент лексического значения. Для понимания смысла такого термина следует мысленно добавить пропущенные лексические единицы, «в результате чего порой может потребоваться преобразование всей структуры словосочетания, напр.: *dying testament* – *testament of a person who is dying* - предсмертное завещание (а не завещание, теряющее свою силу)» [27].

8. *Псевдотерминология.* Псевдотерминами в научной литературе обычно называются словосочетания, компоненты которых принадлежат общелитературному языку или разговорной лексике, имеющие в своем составе лексему, входящую в правовую терминологию (например, *law, lawyer, jurist, jurisdiction*). «Появление таких терминов связано с присутствием метафорических переносов и омонимии» [11, с. 61–71].

Таким образом, освоение лексики юридического характера представляет собой достаточно сложный процесс, который может вызвать у новичков в сфере правового перевода значительный спектр затруднений. Одновременно, постоянная практика в переводе текстов юридической тематики, вдумчивое изучение вышеперечисленных трудностей перевода правовой терминологии способна существенно повысить профессиональную компетенцию начинающих переводчиков.

Выводы по первой главе

Перевод юридических текстов представляет собой один из самых сложных видов перевода. Юридический перевод как вид специализированного перевода выдвигает перед переводчиком специфические задачи, которые не ограничиваются отбором терминологических эквивалентов.

Юридический язык рассматривается как язык искусственный (*legalese*), который существует в рамках обычного языка. При этом, он обладает определенной спецификой, например, для английского языка характерна архаичность. Как русский, так и английский язык права отличается сложное синтаксическое построение, цель которого заключается в максимальном достижении однозначности и точности передаваемого содержания.

Несмотря на ряд существующих различных точек зрения в научной литературе, достижение эквивалентности в юридическом переводе рассматривается как возможное, хотя оно при этом связано с особой трудностью, обусловленной различиями государственных правовых структур и культур.

Ключевую трудность в переводе юридической лексики составляет перевод терминологии. Это связано с тем, что относительно небольшая группа терминов права в разных языках (в частности, в русском и английском) считается интернациональной; для остальной части терминов необходимо осуществлять отбор соответствующих эквивалентов, учитывая не только несходства юридических систем и значение каждого термина, но и специфику юридических языков, например, их диалектную вариативность или стилистические свойства, присущие каждому типу текста.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ «EPISTEMIC CLOSURE AND THE SCHECHER CASE», (2019) И «GENDER, LAW AND JURISPRUDENCE» (2018))

2.1. Краткая характеристика выбранных для исследования научных юридических текстов

Первая статья, выбранная нами для практического анализа, называется «Epistemic closure and the Scheter case» («Эпистемическое закрытие и дело Шехтеров»), опубликована в 2019 году автором Марком Тушне, преподавателем Гарвардской школы права в журнале юридической направленности под названием «Harvard Public Law Working Paper» (No. 19-42).

Темой статьи является дело Шехтеров, американских братьев, работающих в мясной промышленности, согласно судебному заключению, нарушивших ряд положений Национальной стрелковой организации в США, чья деятельность связана с выдачей лицензий на получение и хранение огнестрельного оружия.

Данная статья принадлежит к научному юридическому стилю, главными отличиями которого, как было указано в первой главе, является: 1. использование большого количества специальных юридических терминов (напр. *epistemic closure*, *test case*), книжной (*congregant*) и общенаучной правовой лексики (*prosecutor*, *lawyer*, *witness*, *evidence* и др.); 2. преимущественное употребление форм глаголов (*the rules that required*, *apparently behaved*, *to recognize the existence of epistemic closure* и т.д.); 3. высокая частотность употребления личных форм глагола в страдательном залоге (*who are initially targeted*, *there are widespread violations of law*, *the Schechters were singled out* и др.). Также статью отличают такие свойства научного стиля, как: а) точность, то есть соответ-

ствие текста научного текста мыслям его автора; ясная недвусмысленное выражение идей автора с помощью корректного выбора и применения специальных и общеупотребительных терминов. б) ясность изложения, обеспечивающая доступность понимания научного текста адресованному кругу читателей. в) лаконичность (краткость) изложения материала, отсутствие в нем повторов, несущественных деталей, второстепенных подробностей.

Вторая статья, подлежащая практическому анализу, имеет название «Gender, law and jurisprudence» («Пол, закон и юриспруденция»), написана профессором права Бристольского университета Джоанной Кониген и издана в составе книги «Большие дебаты по вопросам пола и закона» под ред. Розмари Очмати в Лондоне в 2018 году.

В этой статье рассматривается проблема гендерного равноправия с точки зрения современного закона и права, а также исследуются прецеденты того, в каких случаях закон может поддерживать (и в чем-то даже поощрять) гендерное неравенство на работе или в семье, такие понятия как нейтральность, рациональность и объективность с целью маскировки пристрастности своей позиции в поддержание власти представителей мужского рода.

Данную статью, в отличие от первой, можно охарактеризовать как принадлежащую к научно-публицистическому стилю юридической тематики на основании следующих языковых особенностей: 1. наличие большого количества специальных терминов и общенаучной лексики (*curriculum, doctrinal emphasis, legal positivism, constructivism, configurations, hierarchically, concept of law, non-empirical legal subject, legal contortion, syllogistic application* и т.д.); 2. употребление вводных слов с оттенком книжности (*moreover, however, unlike, meanwhile* и др.); 3. присутствие в тексте риторических вопросов (*what consequences flow from organizing our expectations of, and aspirations for, law around this ideal?, how is it possible to say there is a right answer to legal disputes? where do legal arguments come from and how might they be characterized?* и др.); 4. Употребление слов яркой эмоциональной окраски (*they will struggle for recognition,*

consent is a value so deeply embedded in the fabric of law, bad faith political actors, jurisprudential angst и т.д.).

Также следует добавить в заключение, что объем обеих статей в целом составляет 34 358 знаков без пробелов (статья «Epistemic closure and the Scheter case» 7 172 знака без пробелов, статья «Gender, law and jurisprudence» 27 186 знаков без пробелов), обе статьи написаны современными юристами с использованием богатого запаса как архаичной юридической лексики и терминологии, так и ее самых свежих пополнений в языковом фонде английского языка, поэтому, практический анализ данных статей представляется особенно актуальным.

2.2. Специфика перевода научного юридического текста на лексическом уровне

В данном параграфе нашего исследования мы проведем анализ специфики перевода с английского языка на русский язык юридической лексики и терминологии указанных выше научных юридических статей с обоснованием тех или иных принятых нами переводческих решений.

I. Полисемия (многозначность) терминологии в юридической сфере.

Как мы уже указывали в первой главе нашей работы, точное значение определенной категории терминов в юридической литературе может быть выявлено только в рамках изучения контекста, в котором они используются, поскольку часто их значение не является однозначным. Рассмотрим несколько примеров.

1. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

suggests there is something not merely about particular laws or sets of laws, but rather and more generally, about the very structure or method of modern law which is hierarchically gendered

конкретных законах или сводах законов, но, скорее, в более общем смысле, в самой структуре или методе современного закона

Здесь определенной проблемой для нас стал выбор корректного значения слова *laws* при переводе его на русский язык. Дело в том, что данной лексеме присуща полисемичность, оно обладает рядом различных значений, из которых в каждом конкретном случае переводчику необходимо выбрать лишь одно верное. Например, в «Большом англо-русском словаре» под ред. Н.В. Адамчика словарная статья по данной лексеме представляет следующие варианты его значений: «1. закон; правило. 2. право; юриспруденция. 3. профессия юриста. 4. суд, судебный процесс» [1, с. 552]. В «Англо-русском полном юридическом словаре» под ред. А.С. Мамуляна и С.Ю. Кашкина дается такое определение слова *law*: «1. право. 2. закон. 3. общее право. 4. профессия юриста. 5. суд, судебный процесс» [32, с. 219]. На основании данных дефиниций мы рассмотрели контекст использования данного слова в тексте и пришли к выводу, что выбор в переводе на русский язык значения *закон* будет наиболее корректным для передачи точного смысла указанного предложения. Выбор был основан на следующих рассуждениях: 1. слово *laws* в оригинале имеет форму множественного числа, что вполне соответствует стандартам использования лексемы *закон*, но не применяется в отношении таких слов как *юриспруденция* или *право*. 2. лексемы *суд*, *судебный процесс*, словосочетание *профессия юриста* также не рассматривались в качестве слов, обладающих при переводе правильным значением, поскольку они не согласовывались с общим смыслом контекста. Таким образом, как мы сказали, слово *laws* в значении *закон(ы)* было выбрано нами в процессе перевода предложения как единственно верное.

В рамках данного подраздела можно рассмотреть еще один интересный пример полисемии английского юридического термина *jurisprudence*.

2. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

This ambiguity is not accidental and reflects a deeper problem with the way in which the legal and the social are configured in mainstream jurisprudence

Эта двусмысленность не случайна и отражает более глубокую проблему в том виде, в каком правовая и социальная сферы представлены в основной юриспруденции

Обратившись к специальному англо-русскому юридическому словарю, мы находим следующие дефиниции данного термина: «1. юриспруденция, правоведение, законоведение. 2. судебная практика» [32, с. 214]. Узнав все варианты значений слова, мы обращаемся к изучению контекста, в котором оно представлено. В рамках контекста речь идет о проблеме выяснения статуса людей в правовой и социальных сферах в целом, а также обсуждается вопрос отражения данного статуса в правоведении. Таким образом, мы выясняем, что английский правовой термин *jurisprudence* в значение *судебная практика* не согласуется с контекстом, поэтому данное значение при переводе слова на русский язык не может быть использовано. Следовательно, был выбран русский коррелят *юриспруденция*, который оказался единственно возможным и корректным вариантом для передачи смысла термина *jurisprudence* на русском языке.

II. Специальная юридическая лексика

Уже в самой заголовке статьи «Epistemic closure and the Schechter case» употреблено специфическое терминологическое словосочетание, затрагивающие многие научные дисциплины, в том числе, право. Далее в тексте это словосочетание также не раз употребляется.

1. Пример (статья «Epistemic closure and the Schechter case»):

what I called epistemic closure in the construction of the law...

что я называю эпистемическим закрытием в структуре закона...

Поскольку данное словосочетание обладает узкоспециальным научным значением, для обеспечения его адекватного перевода мы обратились к специальным источникам с целью уточнения его смысла. В Энциклопедии эпистемологии и философии науки под ред. И.Т. Касавина (2009) находим следующее определение: «Эпистемическое закрытие в эпистемологии представляет

собой свойство определенных систем убеждений в таких научных дисциплинах как логика, философия, математика, право» (19, с. 255). Поскольку, как мы можем видеть, в русском языке имеется эквивалент данного термина, мы переводим указанное словосочетание с помощью такой переводческой лексической трансформации как *калькирование*. Но поскольку в русском языке данный термин имеет также узкоспециальное значение, неизвестное широкому читателю, мы сопровождаем калькированный перевод пояснительной сноской, цитирующей вышеуказанное определение этого словосочетания.

Следующий пример также демонстрирует использование автором текста специального английского юридического термина, значение которого при переводе с ИЯ на ПЯ может быть найдено в специальных источниках юридической направленности.

2. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

*about the government's **litigation** strategy*

*о стратегии судебных правительственных **тяжб***

Английская лексема *litigation* – *тяжба* принадлежит к корпусу правовой терминологии и обозначает действующий или закрытый судебный процесс с участием заинтересованных сторон и юристов, осуществляющих правовые и судебные функции. В «Полном англо-русском юридическом словаре» под ред. А.С. Мануляна и С.Ю. Кашкина находим следующее определение данного термина: «Тяжба, гражданский судебный спор, процесс» [32, с.232]. Лексема *тяжба*, стоящая первой в процитированной словарной статье, нам показалась наиболее оптимальной для перевода этого слова на русский язык, при этом никаких иных лексических переводческих приемов в этом примере не применялось. Не использовалось и какое-либо дополнительное пояснение, поскольку, несмотря на узкую сферу применения этого термина, его значение хорошо известно достаточно широкому кругу потенциальных читателей переводимого текста.

III. Псевдотерминология

Нижеприведенный пример употребления юридической лексики также дает нам основание применить при переводе прием калькирования.

1. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

whenever there are widespread violations of law

как случаются какие-либо широкомасштабные нарушения закона

Словосочетание *violations of law* не принадлежит, как в первом случае, к узкоспециальной юридической терминологии, оно относится больше к общенаучной лексике, которая часто употребляется в научных текстах многих областей знаний, или даже к псевдотерминологии, как мы указывали уже в первой главе нашей работы. То есть, когда в составе словосочетания, принадлежащего общелитературному направлению, имеется лексема, касающаяся правовой терминологии. В данном случае, это слово *law* (закон). Поэтому для уточнения смысла данной фразы достаточно было прибегнуть к помощи общего англо-русского словаря [37, с. 183, 341]. Так как эквивалент данного словосочетания в русском языке также присутствует, оно аналогично было переведено с помощью калькирования: *нарушения закона*.

Следующее устойчивое словосочетание, которое мы рассмотрим, также можно отнести к псевдотерминологии, поскольку оно имеет в своем составе одно общеупотребительное слово *government* - *правительство* и лексему, принадлежащую к правовой терминологии, а именно: *prosecutors* – *прокуроры*.

2. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

Government prosecutors were pursuing cases

Государственные обвинители занимались делами

Для точного выяснения смысла данного словосочетания был использован вышеупомянутый англо-русский словарь О'Брайена, где слово *prosecutor* в словарной статье в переводе представлено как *обвинитель* [37, с. 248]. В Кембриджском словаре юридических терминов слово *prosecutor* переводится как *прокурор*. Данный перевод нам показался более соответствующий научной

юридической терминологии, поэтому в процессе перевода приведенного выше словосочетания мы использовали именно его [62].

3. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

the government had already brought its preferred test case to the Supreme Court...

правительство уже представило свой предпочтительный вариант дела-прецедента в Верховный суд...

В данном устойчивом словосочетании также можно наблюдать наличие общелитературного слова *Supreme* – *верховный* и слова, относящегося к области правовой лексики, а именно: *Court*. Подобный лексический коррелят также присутствует в составе русского языка, поэтому мы переводим данное словосочетание с помощью калькирования как *Верховный суд*. Собственно, юридическая лексема *Court* - *суд* представлена в словарных статьях различных специальных правовых и общезыковых источниках [62, 32 и др.] большей частью в двух значениях: как 1. *суд* и 2. *двор*. Принимая во внимание текстовый контекст, обусловленный правовой тематикой, мы в процессе перевода указанного словосочетания выбрали вариант *суд*.

Следующее словосочетание, которое мы рассмотрим, также имеет в своем составе одну лексему, принадлежащую к категории юридической терминологии: *court*, и общелитературное слово *lower*. В сочетании оба указанных слова составляют устойчивое юридическое выражение, часто использующееся в правовых и судебных текстах и выступлениях.

4. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

the government lost the case in the lower courts

правительство проиграло дело в нижестоящих судах

Но, несмотря на то, что, как мы сказали, данные слова часто объединены в словосочетании, которое представлено в примере, перевод их следует искать по отдельным словарным статьям, согласно буквенному обозначению, поскольку вместе в одной словарной статье они не были представлены, по крайней мере, в тех источниках, которые были нами изучены [1, 29, 32 и др.] Найдя

перевод обоих слов по отдельности в приведенных выше словарях, на основании предыдущего знания о существовании данного словосочетания в правовой лексике, мы перевели его на русский язык как *нижестоящие суды*, при этом используя такую переводческую трансформацию как *лексическое добавление* с целью более точной и полной передачи смысла фразы для русского читателя.

IV. Интернационализмы

В данной группе юридической лексики мы рассматриваем так называемые *интернационализмы*, то есть, слова, присутствующие во многих языках и сходные по своему фонетическому, морфологическому оформлению, а также близкие по семантике.

В словосочетании, приведенном ниже в качестве примера, используется широко известное во многих европейских языках интернациональное слово *appeal* – *апелляция*.

1. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

as the result of a government appeal...

в результате апелляции правительства...

Данная лексема относится к специальной юридической терминологии, имеет соответствующий коррелят в русском языке, который, однако, не является полным, поскольку это слово помимо значения юридического плана *обжалование, жалоба* имеет также и общелитературное *обращение; воззвание* [32, с. 30]. Учитывая юридический контекст, мы переводим данное слово как *апелляция*.

Рассмотрим следующий пример с использованием слова-интернационализма.

2. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

“inspectors repeatedly visited them...”

«инспекторы неоднократно посещали их...»

Английскую лексему *inspectors* можно назвать полным лексическим когнатом русского слова *инспекторы*, поскольку оба слова имеют одинаковый

графический, звуковой, морфологический состав и семантическое наполнение. Согласно О.Л. Рублевой, «когнаты (лат. *cognati* букв. «родственные») – это однокоренные слова, которых отличает общее происхождение и схожая фонетика звучание в двух и более языках. Семантическое сходство когнатов, как правило, варьирует и не имеет полного совпадения, поэтому когнаты принято подразделять на полные и частичные» [43, с. 97-98].

Вследствие этого при переводе данного слова на русский язык нами не могло быть выбрано никакого другого значения и коррелята, кроме как русской лексемы *инспекторы* [32, 37, 62].

Следующий пример употребления интернационализма в английской фразе полностью совпадает по своей характеристике с примером, представленным выше.

3. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

feminism, *critical legal studies*

феминизм, критические правовые исследования

Обратившись в процессе перевода данного интернационального слова к специализированному социологическому англо-русскому словарю, мы находим лишь одно-единственное его толкование: «Feminism n – феминизм, женское движение за возрастание роли женщин в обществе...» [24, с. 465]. Помимо этого, другие англо-русские словари [37] аналогично переводят данную лексему как *феминизм*, без указания каких-либо иных для него значений, чем то, что было представлено в Словаре Кравченко [24]. На этом основании был сделан вывод о том, что данная лексема является полным лексическим когнатом русскоязычного слова *феминизм*, которым мы его и перевели с использованием такой переводческой трансформации как *дословный перевод*.

V. Имплицитная терминология

Как мы указывали в первой главе нашей работы, в английских научных юридических текстах иногда присутствуют термины, имеющие в своем составе невыраженные в формальном смысле составляющие значения, то есть,

имплицитные семы. Для уточнения и более полной интерпретации смысла такого термина на языке перевода используется такая переводческая трансформация как лексическое добавление. Рассмотрим это на конкретных примерах.

1. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

Yet the government apparently singled out the Schechters as a test case...

«Пока что правительство, по-видимому, выделило семье Шехтер в качестве дела - прецедента (дела, обладающего принципиальным значением для разрешения других аналогичных дел) ...

В приведенном английском предложении употребляется специфический юридический термин *a test case*, смысл которого на языке перевода для конечного реципиента останется не совсем ясным, тем более, если данный реципиент (читатель) по уровню своей правовой подготовки не соответствует восприятию текстов с узкоспециальной лексикой. Поэтому, для адекватного и полного перевода указанного термина мы обратились за справкой к ряду специальных юридических словарей. В словарных статьях этих источников обнаружены следующие переводы термина *a test case*: «Дело, имеющее принципиальное значение для разрешения ряда аналогичных дел» [32, с. 69]. «Пробное дело», дело - прецедент» [30, с. 88]. Вариант перевода К.М. Левитана нам показался более приемлемым, поэтому мы использовали его, но для точного восприятия смысла термина конечным читателем был применен также прием *лексического добавления* – *пояснения, заключенного в скобки*).

Пример имплицитной терминологии, который мы рассмотрим ниже, представляет собой субстантивированный глагол, произошедший от существительного, заимствованного из латыни.

2. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

In that case the prosecutor had subpoenaed one of the Schechters...

В этом случае обвинитель вызвал повесткой в суд одного из Шехтеров...

Чтобы узнать этимологию данной лексемы, мы обратились к «Юридическому словарю» американской издательской компании Мерриам-Вебстер, в

соответствующей словарной статье находим следующее определение: «*subpoena ad testificandum* (повестка для дачи показаний), имя существительное. Этимология: поздняя латынь. Дата происхождения: примерно 1769 год: отправка лицу повестки с вызовом в суд для дачи показаний в качестве свидетеля» [55, с. 531]. Как мы указали выше, изначально это было заимствованное существительное, от которого позднее произошел английский глагол *subpoena (ed)*. При этом он сохранил значение первоначального латинского субстантива, отдельные компоненты которого (имплицитные семы) остались в нем формально невыраженными. С учетом этого при переводе данного глагола мы использовали такую трансформацию как *лексическое добавление (лексическое расширение)* с целью обнаружения указанных имплицитных лексических единиц и передачи на основе их более полного и законченного смысла глагола *subpoenaed* в частности и всего предложения в целом: *вызвал повесткой в суд*.

Следующий пример имплицитного термина интересен тем, что данный термин восходит к латинскому выражению *curriculum vitae*, что дословно означает «хроника жизни, краткая биография» [7, с. 160].

3. Пример (статья «статья «Gender, law and jurisprudence»):

the jurisprudence curriculum unfolds as a succession of discrete debates
учебная программа по юриспруденции *проводится в качестве последовательно идущих друг за другом дискретных дебатов*

Как можно видеть, будучи заимствованным английским языком, данное словосочетание претерпело определенные преобразования, в связи с чем возникло лексическое опущение второго слова *vitae*, без которого первая сохранившаяся в языке лексема приобрела новое значение: «Курс обучения, учебный план, программа (института, университета)» [1, с. 239].

Не все компоненты этого значения формально выражены в слове, поэтому для его перевода на русский язык мы должны были использовать такой переводческий прием как *лексическое добавление* с целью передачи читателю его полного смысла. Поскольку данный термин используется в тесной связи с другим термином юридического плана, а именно со словом *jurisprudence*, в целом все

компоненты значения данной лексемы при переводе были представлены так:
учебная программа по юриспруденции.

VI. Лексика иноязычной этимологии

В научных статьях авторы для подкрепления своих рассуждений нередко используют термины латинского и греческого происхождения, а также устойчивые словосочетания, заимствованные из этих языков с целью убедить читателя в достоверности описываемых фактов.

Рассмотрим один из таких примеров.

1. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

*Law's **modus operandi**, the conventions and techniques which govern it as a discursive practice*

Modus operandi (лат. образ действия) закона, условности и приемы, которые определяют его как дискурсивную практику

При переводе приведенного словосочетания *Modus operandi* мы в первую очередь обратились к словарю латинских крылатых слов и выражений, соответствующая словарная статья которого дает следующее толкование этого выражения: «Способ действий, методы кого-либо или механизм действия чего-либо» [7, с. 456]. Чтобы адекватно передать специфику данного словосочетания как иноязычного элемента, описывающего особенность деятельности закона и подчеркивающего смысл всего предложения в целом, мы оставляем его в тексте в том виде, как оно употреблено автором, но для русскоязычного читателя, не знакомого с латынью, в скобках даем не только перевод словосочетания, но и указываем его этимологию: *Modus operandi* (лат. образ действия). Таким образом, в данном случае нами использована такая переводческая трансформация как *поясняющий перевод*.

Таким образом, в заключение всего вышесказанного делаем вывод о том, что специфику перевода юридической лексики и терминологии часто составляют такие сложные языковые явления как полисемия (многозначность), интернациональность юридических терминов, имплицитность (формальная невыраженность ряда компонентов значения) того или иного термина, наличие

терминов иноязычного происхождения и т.д., что требует от переводчика, во - первых, использования в процессе работы над текстом большого количества различных специальных лексикологических справочников и двуязычных словарей для уточнения смысла проблемной правовой терминологии, а, с другой стороны, глубокого изучения контекста ее употребления с тем, чтобы конечный читатель получил при прочтении переведенного текста полную информацию, заложенную в первоисточнике.

2.3. Специфика перевода научного юридического текста на синтаксическом уровне

Этот параграф нашей работы посвящен анализу специфики перевода с английского языка на русский язык научных юридических статей на синтаксическом уровне с обоснованием тех переводческих решений, который были приняты нами в процессе перевода текстов.

1. Членение предложений

Как мы указывали уже в первой главе, трансформации данного вида, как правило, применяются в процессе перевода с целью членения одного сложного предложения оригинального текста на две или более отдельные предикативные единицы, при этом при этом сложные конструкции синтаксиса предложений заменяются простыми. Согласно мнению О.В. Занковец, это делается вследствие того, что «сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, широко использующиеся в юридических текстах, могут представлять существенную сложность в процессе перевода, так как они часто отличаются необычной длиной, а также присутствием большого числа придаточных и однородных членов...» [16, с. 162].

1. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

*Lawyers for the NRA and the Department of Justice were looking for **test cases, but Schechter** wasn't one of the candidates those lawyers focused on, and Pearson had no particular knowledge about the government's litigation strategy.*

избежание этого нами было осуществлено членение данного сложного предложения на два более простых без утраты смысла как предложения в целом, так и отдельных его составляющих.

II. Объединение предложений

Как мы указывали в первой главе нашей работы, научный стиль английского и русского языков, в частности, в синтаксисе, отличается как схожими признаками, так и рядом различий. В связи с этим нередко возникает необходимость при переводе текста использовать такую переводческую трансформацию как объединение предложений, при которой два или более простых предложения первоисточника преобразуются в одно сложное. Рассмотрим примеры.

1. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

Pioneering feminist legal scholar, Catharine MacKinnon, goes further. She asserts that law is male, expressing and enacting men's power over women.

Феминистка Катарина Маккиннон, будучи пионером в области права, идет еще дальше, утверждая, что право основано на мужских принципах, оно выражает и насаждает власть мужчин над женщинами.

В указанном выше примере представлены два оригинальных предложения, которые мы в процессе перевода на русский язык объединили в одно. Основной причиной использования подобной переводческой трансформации стало опасение, что смысл отдельных предложений при переводе будет недостаточно полно выражен, таким образом, объединение предложений явилось решающим фактором для достижения оптимального качества их перевода.

III. Замена членов предложения

В этом подразделе необходимо отметить, что перестройка синтаксической структуры предложения в процессе перевода часто вызывается необходимостью передачи так называемого «коммуникативного членения» предложения. В соответствии с мнением С.Г. Бархударова, «это ведет к преобразованию английского предложения при переводе на русский язык, при котором подлежащее может быть заменено второстепенным членом (обстоятельством

или дополнением), а дополнение, например, становится подлежащим в русском предложении» [8, с. 198].

В примере, приведенном ниже, мы в процессе перевода английское подлежащее *Josh Blackman and Shlaes* в русском языке сделали дополнением, а дополнение *my criticism* преобразовали в подлежащее.

1. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

Josh Blackman and Shlaes responded to *my criticism*.

Моя критика не осталась незамеченной со стороны Джоша Блэкмана и Эмити Шлейс.

Данная переводческая трансформация была использована нами с целью оптимального выделения ключевой мысли данного предложения, заключенной, по нашему убеждению, в словосочетании *my criticism* – *моя критика*.

IV. Перестановка слов в предложении

В первой главе мы говорили о том, что зачастую структура русскоязычных отдельных терминов и предложений не имеет совпадений со структурой английских аналогов, что вызывает необходимость при переводе прибегать к такой переводческой трансформации *перестановка слов*.

1. Пример (статья «Epistemic closure and the Scheter case»):

I proceed with three sets of observations, the first two about Justice Gorsuch's factual assertions, the third about other features of Shlaes's and Blackman's responses.

Далее я выделяю три ряда наблюдений, из которых первые два касаются фактических утверждений Джастиса Горсуха, а третье относится к описанию других ответов Шлейс и Блэкмана.

Из этого примера видно, что при переводе приведенного выше предложения была использована *перестановка слов*, то есть, позиции отдельных слов оригинала были заменены на другие в языке перевода. Это было осуществлено с целью наилучшей адаптации переводимого предложения к нормам русского языка, поскольку имеются несоответствия языковых грамматических особен-

ностей английского и русского языков, при которых в английском предложении возможна препозиция имени собственного, стоящего в поссесивном падеже, по отношению к обозначаемому им предмету (явлению), а в русском языке это в грамматическом плане не представляется возможным.

2. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

Pioneering feminist legal scholar, Catharine MacKinnon, goes further...

Феминистка Катарина Маккиннон, будучи пионером в области права, идет еще дальше...

В приведенном выше предложении такая переводческая трансформация как *перестановка слов* была осуществлена нами по следующей причине: в предложении первоисточника представлена *атрибутивная группа*, в которую входит целая цепочка определений, состоящих из двух существительных, прилагательного и герундия в общем падеже. В грамматическом плане в английском языке такие цепочки являются неделимыми и выступают всегда как единое целое в качестве определения того или иного объекта или явления. В русском языке подобного языкового явления нет, поэтому мы при переводе разделили ее на части, в данном случае, две, согласно структурно-семантическим особенностям каждого из компонентов и определили для них соответствующую позицию в переводном предложении.

V. Синтаксическое уподобление

Данную переводческую трансформацию также можно назвать дословным переводом, при котором, согласно мнению А.В. Федорова, «синтаксическая структура первоисточника преобразуется в тождественную структуру переводного языка» [46, с. 131].

1. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

It is true that in recent decades the subject has undergone considerable transformation

Это правда, что в последние десятилетия этот вопрос претерпел значительные преобразования

В данном примере была использована, как уже указано выше, такая переводческая трансформация как *дословный перевод*. Поскольку структура русского языка имеет в своем составе синтаксические средства, аналогичные оригиналу, мы сочли целесообразным использовать их в процессе перевода указанного выше предложения.

2. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

Similarly, Ngaire Naffine speculates that 'a problem of sex [is] bias built into the very forms of law'.

Сходным образом, Нгайр Наффин полагает, что «проблема пола - это предвзятость, встроенная в саму форму права».

В приведенном выше предложении мы также сочли целесообразным применить такую трансформацию как *синтаксическое уподобление*, поскольку, во-первых, данный прием здесь не противоречит нормам русского языка, во-вторых, адекватно воспроизводит оригинальную структуру синтаксиса научного юридического высказывания.

VI. Грамматическая замена части речи

Как уже указывалось в первой главе нашей работы, по причине определенных особенностей, присущих английским научным текстам, в процессе перевода их с английского языка на русский с целью согласования их с нормами русского языка переводчик часто обязан использовать такую переводческую трансформацию как *грамматическая замена части речи*.

1. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

In this chapter, I consider two debates which оссиру a central place in the jurisprudence curriculum.

В этой главе я рассматриваю два обсуждения, занимающие центральное место в учебной программе по юриспруденции.

В приведенном выше предложении мы при переводе с английского языка на русский заменили глагол *оссиру* – *занимают* на причастие настоящего времени множественного числа *занимающие*. Данная замена одной части

речи другой *объясняется* стремлением оптимизировать с одной стороны, формальное построение переводного предложения, с другой стороны, придать ему более научное оформление, поскольку причастные обороты обычно составляют значительную часть научного текста. Как пишет О.Ю. Новикова, «в научных текстах находят широкое применение как постпозитивные причастные обороты, так и препозитивные. Последние передают информацию сжато, что вызвано способностью препозиции представлять информацию как данность, в качестве сопутствующих сведений» [36, с. 43-45].

2. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

***To reject** the claim that law is male, however, is not to conclude that law is not gendered in just the ways MacKinnon suggests.*

Однако отклонение утверждения о том, что закон основан на мужском мировоззрении, не означает, что нужно сделать заключение относительно отсутствия гендерного аспекта, лежащего в основе закона, как это предлагает МакКиннон.

В приведенном выше предложении в результате его перевода с английского языка на русский была осуществлена замена глагола в форме инфинитива *to reject* – *отклонять* на существительное *отклонение*. Поскольку инфинитивная форма глагола, стоящая в начале предложения, почти не несвойственна структуре русскоязычных предложений, использование данного переводческого приема было вызвано необходимостью максимально адаптировать переводимое предложение к нормам русского литературного и научного языка.

На основании анализа приведенных в этом параграфе примеров мы делаем вывод о том, что определенные различия, присущие синтаксическому построению научных юридических текстов в английском и русском языках, делают необходимым в процессе их перевода применение различных синтаксических трансформаций и преобразований, конечной целью которых является достижение максимальной адекватности переводного текста.

2.4. Специфика перевода научного юридического текста на стилистическом уровне

Как мы говорили уже в первой главе, стиль изложения научного юридического текста необходимо должен соответствовать стилю аналогичного материала на языке, на который осуществляется перевод, хотя в определенных случаях стиль материала первоисточника в переводе также может быть сохранен. Рассмотрим это на конкретных примерах.

1. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

Few courses elicit such **mixed** student **responses** as Jurisprudence and/or Legal Theory.

В течение нескольких курсов выявляются **неоднозначные реакции** студентов **на такие дисциплины** как юриспруденция и / или теория права.

В приведенном выше примере стилистика исходного предложения не соответствует стилистическим нормам языка перевода согласно следующим пунктам: 1. Словосочетание *Few courses* является имплицитным, то есть, не все компоненты его значения имеют формальное выражение; в русском языке нет аналогов такому языковому явлению, поэтому словосочетание при переводе было дополнено недостающими лексическими компонентами с помощью переводческой трансформации *лексическое добавление (расширение)*. 2. Исходное словосочетание *mixed responses* не соответствует стилю языка перевода, поскольку переведенные на русский язык отдельные слова и словосочетание в целом не принадлежат к категории научной терминологии. Для максимального приближения к научному стилю переводимого предложения, оригинальное словосочетание *mixed responses* в языке перевода было представлено как *неоднозначные реакции*, в котором прилагательное *неоднозначные* относится к общелитературному стилю, а существительное *реакции* – к общенаучной лексике. 3. С целью наиболее оптимального соответствия переведенного текста научному стилю, действительный залог предложения оригинала при переводе был заменен на страдательный, поскольку, как указывалось в первой

главе, в текстах научного стиля как английского, так и русского языков целесообразно использование пассивных синтаксических конструкций.

2. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

Suppose instead that law and life are just so hopelessly intertwined that depicting their relation in some total or unconditional sense is simply not possible.

Вместо этого сделаем предположение о том, что закон и жизнь так тесно переплетены друг с другом, что изображение их связи в каком-то полном или безусловном смысле просто невозможно.

В данном примере стилистические сложности при переводе вызвало исходное наречие *hopelessly*, значение которого в русском языке приобретает значительную эмоциональную окраску: *безнадежно*. С целью нейтрализации эмоциональности и придания большей строгости стилю переводимого предложения, мы заменили при переводе лексику *hopelessly* на слово *тесно*, применив переводческую трансформацию *лексическая замена*. При этом указанная лексико-стилистическая замена не привела к утрате общего смысла предложения первоисточника.

3. Пример (статья «Gender, law and jurisprudence»):

Let's begin with the distinction between what is real and how we perceive and/or represent what is real, the troubling dichotomy between matter and meaning.

Можно начать с различия между тем, что есть реальность, и тем, как мы воспринимаем и / или представляем эту реальность, проблематичную дихотомию между материей и смыслом.

В приведенном выше примере наш интерес в плане стиля вызвало исходное словосочетание *the troubling dichotomy*. Дело в том, что оно состоит из двух лексем, одна из которых (*troubling*) принадлежит общелитературному стилю, тогда как вторая (*dichotomy*) относится к категории общенаучной лексики иноязычной (греческой) этимологии. Поскольку термин *dichotomy* является интернационализмом и на русском языке имеет то же самое значение, что

и в английском, т. е. *разделение, раздвоение*, мы перевели его русским соответствующим коррелятом *дихотомия*, которое при этом также соответствует научному стилю русского языка. Что касается другого английского слова *troubling*, мы сочли его в комбинации с лексемой *dichotomy* не совсем соответствующим стандартам научного русскоязычного стиля, в котором все составляющие словосочетаний и фраз должны максимально совпадать стилистически. Поэтому при переводе исходное общелитературное причастие *troubling* было заменено на русскоязычное прилагательное *проблематичная*, принадлежащее к общенаучному стилю так же, как и определяемое им существительное *дихотомия* (переводческая трансформация *лексическая замена*). Таким образом, стилистическая целостность словосочетания и предложения в целом при переводе была сохранена.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного в этом параграфе заключаем, что стилистические несоответствия, присущие научному стилю английского и русского языков, способны корректироваться с помощью конкретных лексических (в данном случае) переводческих трансформаций, таких как лексическая замена и лексическое добавление (расширение).

Выводы по второй главе

1. Анализ особенностей перевода научных юридических текстов на лексическом уровне выявил наличие таких категорий английской юридической лексики и терминологии как полисемия (многозначность), специальная юридическая лексика, псевдотерминология, интернационализмы, имплицитная терминология, лексика иноязычной этимологии. В каждой лексической категории были рассмотрены присущие ей семантические и этимологические особенности, на основании которых были приняты конкретные переводческие решения по использованию соответствующих переводческих приемов с подробным описанием каждого из них.

2. Изучение специфики перевода научных юридических статей на синтаксическом уровне позволило выявить характерные особенности синтаксической структуры английских научных текстов, что обусловило в процессе переводческой работы использовать такие синтаксические переводческие трансформации как членение предложений, объединение предложений, замена членов предложения, перестановка слов в предложении, синтаксическое уподобление, грамматическая замена части речи. По каждому использованному приему дан подробный лингвопереводческий комментарий.

3. Анализ особенностей перевода юридических статей на стилистическом уровне выявил ряд стилистических расхождений между исходным научным текстом и текстом языка перевода. Выделив примеры лексико-стилистических несоответствий, для их коррекции при переводе мы использовали такие переводческие трансформации как лексическая замена и лексическое добавление (расширение) с подробным обоснованием их применения.

4. Все перечисленные выше переводческие преобразования использовались с целью достижения максимальной эквивалентности при переводе английских научных текстов юридического дискурса, а также наиболее полной передачи смысла оригинала на языке перевода.

5. Сводная таблица результатов анализа научных статей юридического дискурса прилагается.

Таблица 1. Сводная таблица результатов анализа научных статей юридического дискурса

№№	Анализ на лексическом уровне	Анализ на синтаксическом уровне	Анализ на стилистическом уровне
	I. Полисемия (многозначность) а) laws or sets of laws - законы или ряд законов	I. Членение предложений а) test cases, but Schechter - дел-прецедентов. Шехтеры	1. а) Few courses - В течение нескольких курсов б) mixed responses - неоднозначные реакции 2. а) so hopelessly intertwined - так тесно переплетены

<p>б) method of modern law – метод современного закона</p> <p>в) jurisprudence - юриспруденция</p> <p>II. Специальная юридическая лексика</p> <p>а) epistemic closure - эпистемическое закрытие</p> <p>б) litigation - тяжба</p> <p>III. Псевдотерминология</p> <p>а) violations of law - нарушения закона</p> <p>б) government prosecutors - государственные прокуроры</p> <p>в) the Supreme Court - Верховный суд</p> <p>г) the lower courts - нижестоящие суды</p> <p>IV. Интернационализмы</p> <p>а) appeal - апелляция</p> <p>б) inspectors - инспекторы</p> <p>в) feminism - феминизм</p> <p>V. ИмPLICITная терминология</p> <p>а) a test case - дело-прецедент</p>	<p>б) vary, making - варьировать. Что</p> <p>II. Объединение предложений</p> <p>а) further. She - дальше, утверждая</p> <p>III. Замена членов предложения</p> <p>а) Josh Blackman and Shlaes - Моя критика</p> <p>IV. Перестановка слов в предложении</p> <p>а) Justice Gorsuch's factual assertions - утверждений Джастиза Горсуха,</p> <p>б) Shlaes's and Blackman's responses - ответов Шлейс и Блэкмана</p> <p>в) Pioneering feminist legal scholar - Феминистка Катарина Маккиннон, будучи пионером в области права</p> <p>V. Синтаксическое уподобление</p> <p>а) It is true that in recent decades - Это правда, что в последние десятилетия</p> <p>б) Ngaire Naffine speculates that 'a problem of sex [is] bias built into the very forms of law' - Нгайр Наффин полагает, что «проблема пола</p>	<p>3. а) the troubling dichotomy - проблематичную дихотомию</p>
---	--	--

	<p>б) had subpoenaed –вызвал повесткой в суд</p> <p>в) curriculum – программа обучения</p> <p>VI. Лексика иноязычной этимологии</p> <p>а) modus operandi - образ действия</p>	<p>- это предвзятость, встроенная в саму форму права».</p> <p>VI. Грамматическая замена части речи</p> <p>а) ossify - занимают</p> <p>б) To reject – отклонение</p>	
--	--	--	--

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной выпускной квалификационной работе были рассмотрены лексические, синтаксические и стилистические особенности перевода научных текстов юридического дискурса на примере статей «Epistemic closure and the Scheter case» («Эпистемическое закрытие и дело Шехтеров»), Марка Тушне и «Gender, law and jurisprudence» («Пол, закон и юриспруденция») Джоанны Кониген. Анализ специфики перевода юридической лексики и терминологии обусловил необходимость подробного рассмотрения специфики и существенных особенностей научного юридического языка. Основу теоретического исследования составили труды таких ученых как P. Newmark, Peter M. Tiersma, A. Capone, U. Kischel, X. Крингс и др.

В работе также были исследованы такие понятия как эквивалентность и адекватность в переводе научных текстов юридической направленности. Анализ различных подходов позволил классифицировать данные понятия.

В ходе исследования были рассмотрены примеры применения в процессе перевода научных статей различных переводческих преобразований, выполненных на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. На лексическом уровне была представлена классификация особенностей английской юридической лексики и терминологии с выделением таких групп как полисемия (многозначность), имплицитная терминология, псевдотерминология, интернациональная юридическая лексика и др., а также было представлено обоснование принятых в отношении данных категорий лексики переводческих решений. На синтаксическом уровне были рассмотрены такие переводческие приемы как синтаксическое уподобление, членение предложений, объединение предложений, замена части речи, замена членов предложения, перестановка слов и др., использованные в процессе перевода статей, с предоставлением подробного переводческого комментария по каждому из приемов. На стилистическом уровне были проанализированы примеры особенностей адаптации и согласования стилистических особенностей английского научного

текста юридического дискурса с лексическими стилистическими нормами русскоязычного юридического текста.

На основании вышесказанного, полагаем, что цели работы, состоящие в исследовании специфики перевода английских научных статей юридического дискурса и достижении максимальной эквивалентности при их переводе на русский язык были достигнуты.

Перспективы дальнейшего изучения проблемы состоят в исследовании лексических, синтаксических и стилистических специфик перевода юридической лексики и терминологии на примерах других научных статей, а также в рассмотрении наряду с изучаемыми проблемами наличия грамматических несоответствий, свойственных в этом плане английскому и русскому языкам. Также в перспективе дальнейшего исследования можно обозначить сравнительно-сопоставительный анализ особенностей перевода юридической лексики и терминологии, принадлежащей к категории юридических архаизмов и неологизмов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамчик, Н. В. Большой англо-русский словарь [Текст] / Н. В. Адамчик. – Минск: Литература, 1998. – 1168 с.
2. Алексеева, И. С. Введение в перевод введение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / И. С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
3. Алимов, В. В. Юридический перевод: практический курс. Английский язык: Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное [Текст] / В. В. Алимов. – М.: Ком Книга, 2005. – 160 с.
4. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст] / В. Д. Аракин. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
5. Архипов, А. Ф. Самоучитель перевода с немецкого языка на русский [Текст] / А. Ф. Архипов. – М.: «Высшая школа», 1991. – 255 с.
6. Атабекова, А. А. Специальные концепты в юридическом дискурсе: проблемы полисемии языковых единиц [Текст] / А. А. Атабекова // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы межд. конф., Москва, 10–11 апреля 2007 г. / МГОУ. – Москва: [б. и.], 2007. – С. 46-50.
7. Бабичев, Н. Т. Словарь латинских крылатых слов [Текст] / Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровский. – Москва: Русский язык, 1988. – 960 с.
8. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) [Текст] / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
9. Берг, Е. Б. Основные инструменты профессиональной коммуникации в правовой сфере (терминология, оценочные понятия, дефиниции) [Текст] / Е. Б. Берг // Языки профессиональной коммуникации: материалы межд. науч. конф., г. Челябинск, 21–22 окт. 2003 г. / Челяб. гос. ун-т. – Челябинск: [б. и.], 2003. – С. 15-17.

10. Борисова, Л. И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода [Текст] / Л.И. Борисова. – М.: НВИ-тезаурус, 2005. – 215 с.
11. Вербицкий, А. А. Структура содержания обучения иностранному языку специальности: контекстный подход [Текст] / А. А. Вербицкий, Н.П. Хомякова // Приоритетные направления в обучении иностранным языкам. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 61-71.
12. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе [Текст] / С. И. Влахов, С. П. Флорин. - М.: Р. Валент, 2009. – 360 с.
13. Голев, Н. Д. О специфике языка права в составе общенародного русского языка [Текст] / Н. Д. Голев // Юрислингвистика. – 2004. – № 5. – С. 39-57.
14. Голикова, Ж. А. Перевод с английского на русский [Текст] / Ж. А. Голикова. – Минск: Новое знание, 2008. – 287 с.
15. Добричев, С.А. Фразеологизмы в правовой лексике английского языка [Текст] / С. А. Добричев, О. Г. Степанова // Вестник ТГПУ. – 2014. – 4 (145). – С. 17-21.
16. Занковец, О. В. Синтаксическое уподобление при переводе юридических документов [Текст] / О. В. Занковец // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы межд. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 октября 2015 г. /МГУ; сост. О. И. Уланович. – Минск: Колорград, 2015. – С. 94-97.
17. Игнатова, О. В. Особенности перевода научных статей на английский язык в деятельности университетских библиотек [Текст] / О. В. Игнатова // Библиотека высшей школы на новом этапе развития соц. коммуникаций: материалы межд. науч.-практ. конф., Днепропетровск, 24–25 октября 2013 г. / ПНУЖТ. – Днепропетровск: [б. и.], 2013. – С. 42-46.
18. Калина, В. Ф. Юридическая техника как поэзия права: учебник для прикладного бакалавриата [Текст] / В. Ф. Калина. – М.: Юрайт, 2014. – 291 с.

19. Касавин, И. Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Текст] / И. Т. Касавин. – М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
20. Киселева, С. В., Росянова, Т. С. Когнитивные аспекты номинативного своеобразия английской терминологии маркетинга [Текст] / С. В. Киселева, Т. С. Росянова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т.7. – № 1. – С. 43-51.
21. Климзо, Б. Н. Ремесло технического перевода [Текст] / Б. Н. Климзо. – М.: «Р. Валент», 2006. – 508 с.
22. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 254 с.
23. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС. – 2002. – 424 с.
24. Кравченко, С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь [Текст] / С. А. Кравченко. – М.: Астрель-АСТ, 2004. – 511 с.
25. Кривых, Л. Д. Технический перевод [Текст] / Л. Д. Кривых. – М.: «Форум», 2008. – 184 с.
26. Крюковская, И. В. Профессиональная лексика юриста [Текст] / И. В. Крюковская, Р. В. Хорень. – Минск: Вышэйшая школа, 2010. – 304 с.
27. Латышев, Л. К. Курс перевода: эквивалентность перевода и способы ее достижения [Текст] / Л. К. Латышев. – М.: Учпедгизд, 1986. – 217 с.
28. Латышев, Л. К. Перевод: Теория, практика и методика преподавания [Текст] / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – М.: Академия, 2008. – 310 с.
29. Левитан, К. М. Юридический перевод. Основы теории и практики [Текст] / К. М. Левитан. – М.: Проспект, 2011. – 351 с.
30. Левитан, К. М. Англо-русский и русско-английский юридический словарь [Текст] / К. М. Левитан. – М.: Издательство: «Проспект», 2018. – 512 с.

31. Лобанова, Е. А. Полисемия как проблема в языке права [Текст] / Е. А. Лобанова // Сборник работ 68-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорусского госуниверситета. – Минск: БГУ, 2011. – С. 123-124.
32. Мамулян, А. С. Англо-русский полный юридический словарь [Текст] / А. С. Мамулян, С. Ю. Кашкин. – М.: СоветкикЪ, 1993. – 390 с.
33. Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода [Текст] / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М.: Московский Лицей, 1996. – 298 с.
34. Надеждина, Н.Г. Переводческие трансформации и приемы перевода [Текст] / Н. Г. Надеждина, О. А. Юдина. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2015. – 29 с.
35. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода [Текст] / Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта, 2009. – 216 с.
36. Новикова, О. Ю. Прагматические функции причастия и причастного оборота в художественных и нехудожественных текстах [Текст] / О. Ю. Новикова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 43-45.
37. О’Брайен, М. А. Русско-английский и англо-русский словарь [Текст] / М. А. О’Брайен. – М.: АСТ-Астрель, 2006. – 356 с.
38. Озюменко, В.И. Полисемантичность английской юридической лексики как проблема перевода [Текст] / В. И. Озюменко // Вестник Российского университета дружбы народов. – № 2. – 2015. – С. 92-94.
39. Пospelова, Г. Б. Характеристики научного стиля в английском языке [Текст] / Г. Б. Пospelова // Иностранные языки: теория и практика перевода. – 2012. – № 2. – С. 8-14.
40. Пумпянский, А. Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. 2-е изд. доп. [Текст] / А. Л. Пумпянский. – М.: Наука 1981. – 303 с.
41. Радион, Т. П. Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире [Текст] / Т. П. Радион // Материалы III межд.

науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. / БГУ. – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – С. 154-160.

42. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика [Текст] / Я. И. Рецкер. – М.: «Р.Валент», 2010. – 244 с.

43. Рублева, О. Л. Лексикология современного русского языка: Учебное пособие [Текст] / О. Л. Рублева. – Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2004. – 257 с.

44. Селескович, Д. Интерпретировать для того, чтобы переводить [Текст] / Д. Селескович, М. Ледерер // Общая теория перевода в трудах зарубежных ученых. – М.: Мультимедиа-издательство «SaleBook»; Изд. дом «Равновесие», 2006. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

45. Утробина, А. А. Основы теории перевода: Конспект лекций [Текст] / А. А. Утробина. – М.: Приор-издат, 2008. – 135 с.

46. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода. Для институтов и факультетов иностранных языков [Текст] / А. В. Федоров. – М.: Издательский Дом «Филология три», 2002. – 348 с.

47. Чайковский Р. Р. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации [Текст] / Р. Р. Чайковский, Н. В. Вороневская, Е. Л. Лысенкова, Е. В. Харитонова. – М.: Флинта, Наука, 2014. – 222 с.

48. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика [Текст] / А. Д. Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.

49. Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты [Текст] / А. Д. Швейцер. – М.: «Наука», 1988. – 215 с.

50. Шепелева, А. В. Употребление и перевод трансформированных фразеологизмов как средства реализации прагматического потенциала англоязычного массмедиального политического дискурса [Текст] / А. В. Шепелева // Молодой ученый. – 2018. – № 20. – С. 454-457.

Литература на иностранных языках

51. Capone, A. (May 2016). «Rethinking Language, Mind, and Meaning» [Text] / A. Capone // Australian Journal of Linguistics. – 2026. – № 37 (1). – P. 112-120.
52. Kischel, U. Legal Cultures – Legal Languages [Text] / U. Kischel // Translation Issues in Language and Law. / F. Olsen, A. Lorz, D. Stein, eds. – New York: Palgrave Macmillan, 2009. – P.7-17.
53. Krings, H. P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern [Text] / H. P. Krings. – Tübingen: Narr, 1986. – P. 263-276.
54. Martin, E. A. Dictionary of Law [Text] / E. A. Martin. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 551 p.
55. Merriam Webster's Dictionary of Law [Text] / M. Webster. – Massachusetts: Incorporated Springfield, 1996. – 634 p.
56. Newmark, P. A. Textbook of translation [Text] / P. A. Newmark. – UK: Prentice-Hall International, 1988. – 292 p.
57. Sarsevic, S. New Approach to Legal Translation [Text] / S. Sarsevic. – UK: Klower Law International, 2000. – 308 p.
58. Tiersma, P. M. Legal language [Text] / P. M. Tiersma. – USA: University of Chicago, 1999. – 322 p.
59. Zidan, A. A. A linguistic analysis of some problems of Arabic-English translation of legal texts with special reference to contracts [Text] / A. A. Zidan. – UK: Cambridge Scholars Publishing, 2015. – 120 p.
60. Way, C. The Challenges and opportunities of legal translation and translator training in the 21st century [Text] / C. Way // International Journal of Communication. – 2016. – № 10. – P. 1009-1029.

Электронные ресурсы

61. Забайкина А.И. Лингвостилистические особенности англоязычного научного текста [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-osobennosti-angloyazychnogo-nauchnogo-teksta/viewer> (дата обращения: 04.01.2020).

62. Cambridge Dictionary/Cambridge University Press 2020 [Электронный ресурс] // Cambridge University Press. 2020. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 20.01.2020).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Оригинал статьи «Epistemic Closure and the Schechter Case (2019)»:

Epistemic Closure and the Schechter Case (2019)

Mark Tushnet,

Harvard Law School

(https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3436689)

In Gundy Justice Gorsuch offered two characterizations of the facts in the Schechter case: (1) “Kosher butchers such as the Schechters had a hard time following [the rules that required ‘straight-killing’ of chickens].” (2) “Yet the government apparently singled out the Schechters as a test case; inspectors repeatedly visited them and, at times, apparently behaved abusively toward their customers.” Justice Gorsuch relied upon Amity Shlaes’s book *The Forgotten Man* to support these assertions.

In a blog post I criticized Shlaes’s account, and used Justice Gorsuch’s reliance upon it to illustrate what I called epistemic closure in the construction of the law – by which I meant the reliance upon a closed set of sources written by authors who generally shared a specific outlook on the way the world works.

Josh Blackman and Shlaes responded to my criticism. But, as I show here, their responses are largely mistaken and (or perhaps because) undertheorized because of their failure (or perhaps inability – an inability that may be intrinsic to the process) to recognize the existence of epistemic closure.

I proceed with three sets of observations, the first two about Justice Gorsuch’s factual assertions, the third about other features of Shlaes’s and Blackman’s responses.

1. Singling out. I start with the assertion that the government singled the Schechters out as a test case. In some sense, of course, whenever there are widespread violations of law the subset of violators who are initially targeted is singled

out. But that doesn't appear to be Gorsuch's or Shlaes's claim. Why for them were the Schechters singled out?

Government prosecutors were pursuing cases against violators of NRA codes around the country. As Shlaes makes abundantly clear, there were several hundred cases against Code violators pending when the government brought its case against the Schechters. Were the Schechters singled out because (a) "inspectors repeatedly visited them" and acted badly with respect to customers, or because (b) the government saw the case as a test case?

As to the first, one might see repeated visits as responsible investigative behavior. Observing a single violation at one visit, for example, a responsible prosecutor might want to know whether this was an aberration or a symptom of something more. And, there were good reasons for repeated visits. We know of the Schechter case because of the violations of Code provisions against "straight-killing," about which more later, but the Code applicable to the Schechters also contained wage-and-hour requirements. And the Schechters were truly terrible record-keepers with respect to the wage-and-hour requirements. Simply sorting through the paper to find out who had worked for the Schechters for how long and at what rates required several visits. Of course the repeated visits might reflect "singling out," but one probably has to have a specific epistemic perspective to draw that conclusion.

What about the "test case"? Shlaes quotes Drew Pearson, "[a] columnist close to the Roosevelts," as stating that "for the government Schechter was a 'test case.'" Lawyers for the NRA and the Department of Justice were looking for test cases, but Schechter wasn't one of the candidates those lawyers focused on, and Pearson had no particular knowledge about the government's litigation strategy. In fact the government had already brought its preferred test case to the Supreme Court, and the Court had granted review (*United States v. Belcher*, involving violations of the wage-and-hour provisions of the lumber industry code). The government liked the Belcher case because it thought it would be relatively easy to show that wage-and-hour requirements in that industry had an effect on interstate commerce, the focus of the antiNRA legal challenges. Because the Belcher case came to the Court on the

dismissal of an indictment, the government ultimately concluded that the record was inadequate to address potential non-delegation challenges. It requested that its appeal be withdrawn, a request the Court granted.

Note that the *Belcher* case came to the Court as the result of a government appeal, which was possible because the government lost the case in the lower courts. And those were the cases the government preferred for test cases in the Supreme Court. (They had a lot of choices, because they were losing NRA cases all over the country.) From the government's point of view, *Schechter* was a problem because the *Schechters* had lost in the lower courts (with respect to some of the Code violations), which put the initiative in the *Schechters'* hands. Once the *Schechters* filed for review, the government didn't oppose review, but that's not a sign that it regarded *Schechter* as a good test case – it was the test case forced upon it by circumstances.

Shlaes adds another reason for thinking that the *Schechters* were singled out. She notes that the prosecutor in the NRA case had also prosecuted a successful case against racketeering in the butchering industry. In that case the prosecutor had subpoenaed one of the *Schechters*, who provided evidence supporting the racketeering case. Shlaes appears to suggest that this earlier episode somehow gave the prosecutor a reason to go after the *Schechters* for the Code violations. This is puzzling on its face. *Schechter* had cooperated with the prosecutor earlier. Now, it's remotely possible that the prosecutor somehow had it in for the *Schechters* because he had had to issue a subpoena (though one might imagine that a willing cooperating witness would demand a subpoena to protect himself against retaliation by the racketeers), or because he thought that *Schechter* hadn't cooperated enough in the racketeering case. But, in the absence of any evidence supporting those thoughts, it's hard to see how the fact that *Schechter* had testified for the government in the antiracketeering case gave the prosecutor a reason for singling him and his brothers out several years later.

So, as to “singling out”: We can construct stories consistent with the proposition that the Schechters were singled out, but key components of the narrative require that we ignore undisputed facts and make assumptions about facts as to which there is no evidence. In short, the “singling out” claim illustrates epistemic closure.

2. Difficulties of Kosher butchers in complying with the straight-killing requirement. Here we have to sort out two versions of the claim. Shlaes’s initial presentation said, “Customers ... had a right to choose their birds,” a right that she appears to root in Jewish law, which she describes as “a health code” (p. 216, emphasis added). “Right” and “code” are words ordinarily used to describe law. In her response Shlaes offers a different version, that there was a custom (not a legal requirement) rooted in religion according to which some purchasers – those who adhered to the custom – wanted to choose their own birds. In her response she writes that the straight-killing rule “did strain adherence to Kashruth” understood as a system of custom that varied from one religious community to another.

The difficulty with both versions is that Shlaes provides no evidence that there was such a religion-based custom (or, in the earlier version, right). In their responses – but not in the book itself – she and Blackman point to a few lines (literally, lines in the transcript) of testimony in the Schechters’ trial. In both the prosecutor elicited statements about the preferences of Orthodox chicken-purchasers.

Here’s the only relevant testimony they offer. After eliciting testimony that “the people who purchase live poultry” were “orthodox Jews,” this exchange occurred: “Q. And the orthodox Jews insist on purchasing live poultry? A. Absolutely correct. Q. And they won’t permit a post mortem before they pick out the chicken? A. Then they would not eat it anyhow.”

Blackman quotes another line of testimony: Customers (presumably before the Code went into effect) “have a right to reject chickens or not to buy certain chickens if they so desire?” “That is right ... the customer went in and handled each bird himself and picked out just what he wanted.” This says nothing about a custom based on religion rather than ordinary consumer preference, a point Shlaes reinforces in

writing in her response that her book “actually claimed ‘straight killing’ conflicted with the logic of consumer choice that underpins our market economy.”

Перевод статьи ««Epistemic Closure and the Schechter Case (2019)»»:

Эпистемическое закрытие и случай Шехтера (2019)

Марк Тушнет

Гарвардская юридическая школа

https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3436689)

В «Деле Ганди» судьей Горсухом были предложены две характеристики фактов по делу Шехтеров: (1) «Кошерным мясникам, таким, какими являлись Шехтеры, было сложно следовать [правилам, требовавшим «прямого (непосредственного) убийства» цыплят]». (2) «Пока что правительство, по-видимому, выделило семье Шехтер в качестве дела-прецедента (дела, обладающего принципиальным значением для разрешения других аналогичных дел); инспекторы неоднократно посещали семью и, иногда, очевидно, вели себя оскорбительно по отношению к своим клиентам». Свои убеждения судья Горсух основывает на книге Эмити Шлейс под названием «Забытый человек».

В своем блоге я раскритиковал отчет Шлейс, сославшись на судью Горсуха для иллюстрации того, что я называю эпистемическим закрытием в структуре закона, т.е. опору на закрытый ряд источников, написанных авторами, которые обычно имеют общий специфический взгляд на устройство мира.

Моя критика не осталась незамеченной со стороны Джоша Блэкмана и Эмити Шлейс. Но, как я демонстрирую здесь, их ответы в значительной степени являются ошибочными и (или, возможно, поэтому) недооценены по причине безуспешности этих авторов (но, может быть, и неспособности, которая присуща процессу) осознать наличие эпистемического закрытия.

Далее я выделяю три ряда наблюдений, из которых первые два касаются фактических утверждений судьи Горсуха, а третье относится к описанию других ответов Шлейс и Блэкмана.

1. Выбор. Я начну с утверждения, что правительство выделило случай Шехтеров в качестве дела-прецедента. В каком-то смысле, конечно, всякий раз, как случаются какие-либо широкомасштабные нарушения закона, выбирается группа правонарушителей, которые была изначально намечена. Однако это не похоже на утверждение Горсуха или Шлейс. Так почему же, как они утверждают, выбрали Шехтеров?

Государственные прокуроры занимались делами, направленными против нарушителей кодексов НСА (Национальная Стрелковая Организация)¹ по всей стране. Как многословно поясняет Шлейс, имелось несколько сотен отсроченных дел против нарушителей Кодекса, когда правительство возбудило дело против Шехтеров. Были ли выбраны Шехтеры по той причине, что (а) «следователи неоднократно посещали их» и грубо вели себя в отношении клиентов, или потому, что (б) правительство рассматривало этот случай лишь в качестве дела-прецедента?

Что касается пункта (а), можно рассматривать повторные визиты как проявление чувства ответственности у инспекторов. Например, при рассмотрении единичного нарушения за один визит ответственный прокурор может пожелать узнать, было ли это просто ошибкой или признаком чего-то большего. Поэтому, имелись веские причины для повторных визитов. Нам известно о деле Шехтеров на основании нарушений положений Кодекса о «непосредственном убийстве», относительно которого позднее, Кодекс, применимый к Шехтерам, также начал содержать требования о почасовой заработной плате. И Шехтеры действительно плохо вели записи в отношении требований к почасовой оплате. Просто для того, чтобы отобрать бумаги для выяснения, кто работал на семью Шехтеров и по какой ставке, требовалось осуществить

---

¹ Группа адвокатов в США по защите прав на приобретение огнестрельного оружия.

несколько визитов. Конечно, повторные визиты инспекторов могут отражать «выбор», но, вероятно, нужно иметь определенную эпистемологическую перспективу для того, чтобы сделать подобное заключение.

А что насчет «дела-прецедента»? Шлейс цитирует Дрю Пирсона, «обозревателя, близкого к Рузвельту», утверждая, что «для правительства Шехтеры явились «делом-прецедентом». Юристы НСА и Министерства юстиции занимались поиском дел-прецедентов. Шехтеры не были теми кандидатами, на фокусировалось их внимание, а Пирсон не имел конкретных сведений о стратегии судебных правительственных тяжб. Фактически, правительство уже представило свой предпочтительный вариант дела-прецедента в Верховный суд, и Суд назначил пересмотр дела («Соединенные Штаты против Белчера», на основании нарушениями положений о почасовой заработной плате в Кодексе лесной промышленности). Правительству понравилось дело Белчера, поскольку, согласно его мнению, было бы относительно легко на основе этого дела продемонстрировать, что требования в отношении почасовой заработной платы в этой отрасли оказывают влияние на торговлю между штатами. Именно это является основным направлением судебных разбирательств против НСА. Поскольку дело Белчера было передано в суд по отмене обвинительного заключения, правительство в конечном итоге заключило, что протокол не был достаточно убедительным для решения потенциальных проблем, не связанных с делегированием полномочий. Правительство сделало запрос на отозвание апелляции, суд запрос удовлетворил.

Следует обратить внимание на то, что дело Белчера было передано в суд в результате апелляции правительства, что стало возможным на основании того, что правительство проиграло дело в нижестоящих судах. И это были те дела, которые правительство представляло в Верховном суде в качестве дел-прецедентов. (Имелось много вариантов, поскольку дела, связанные с НСА, были проиграны по всей стране.) С точки зрения правительства, Шехтеры составляли проблему, поскольку они *проиграли* дело в судах низших инстанций

(относительно определенных нарушений Кодекса), что явилось для них стимулом. Как только Шехтеры подали запрос на пересмотр дела, правительство не стало чинить к этому препятствий, хотя это не означало, что оно рассматривало Шехтеров в качестве убедительного дела-прецедента - это был прецедент, обусловленный обстоятельствами.

Шлейс указывает еще одну причину думать, что Шехтеры были выбраны. Она отмечает, что прокурор по делу НСА также вел в суде успешное дело против рэкета в мясной промышленности. В этом случае прокурор вызвал повесткой в суд одного из Шехтеров, который предоставил доказательства в поддержку дела о рэжете. Похоже, Шлейс предполагает, что этот более ранний эпизод каким-то образом дал прокурору повод признать за Шехтерами нарушения Кодекса. На первый взгляд, это выглядит странно. Шехтеры сотрудничали с прокурором ранее. Теперь кажется возможным, что прокурор каким-то образом запятнал себя в этом деле с Шехтерами, поскольку ему пришлось выдать повестку о явке в суд (хотя можно предположить, что добровольно сотрудничающий свидетель мог потребовать такую повестку с целью защиты себя от мести со стороны рэкетиров), или потому что он полагал, что Шехтеры оказывали *недостаточное* сотрудничество в деле о рэжете. Но в отсутствии каких-либо доказательств, подтверждающих данные мысли, трудно понять, как тот факт, что один из Шехтеров дал показания в пользу правительства по делу о борьбе с рэкетом, повлиял на решение прокурора возбудить против него и его братьев дело (выбрать их) несколько лет спустя.

Итак, что касается «выбора»: мы можем конструировать истории, согласующиеся с тем утверждением, что Шехтеры были выбраны, но ключевые компоненты повествования требуют того, чтобы мы игнорировали факты, являющиеся бесспорными и основывали свои предположения на тех фактах, которые невозможно доказать. Короче говоря, утверждение «выбора» иллюстрирует эпистемическое закрытие.²

---

² Эпистемическое закрытие в эпистемологии представляет собой свойство определенных систем убеждений в таких научных дисциплинах как логика, философия, математика, право. Эпистемология (греч. episteme —

2. Проблемы кошерных мясников при выполнении требования непосредственного убийства. Здесь нам следует разобраться с двумя вариантами претензии. Первоначальная презентация Шлейс гласила: «Клиенты... имели право выбрать птиц», это право, которое, как полагает автор, коренится в еврейском законе, который Шлейс описывает как «код здоровья». «Право» и «код» - это слова, обычно используемые для описания закона. В своем ответе Шлейс предлагает другую версию о том, что существовал обычай (не правовое требование), ушедший своими корнями в религию, согласно которому некоторые покупатели - те, кто придерживался обычая - хотели выбрать птиц сами. В своем ответе она пишет, что правило непосредственного убийства «повлияло на приверженность Кашруту»³, понимаемый как система обычаев, варьировавшихся от одной религиозной общины к другой.

Сложность обоих вариантов состояла в том, что Шлейз не предоставляет доказательств существования такого религиозного обычая (или права). В своих ответах - но не в самой книге - она вместе Блэкманом указывает на несколько строк (буквально, строки в стенограмме) показаний в суде, который состоялся над братьями Шехтерами. У обоих случаях прокурор принимал заявления о предпочтениях ортодоксальных покупателей кур.

Вот единственное уместное свидетельство, которое было представлено в суде. После получения свидетельства о том, что «люди, покупающие живую птицу» были «ортодоксальными евреями», произошел следующий диалог: «Q. А ортодоксальные евреи настаивают на покупке живой птицы? А. Да, настаивают. В. И они не допустят умерщвления птицы до того, как выберут ее? А. Тогда они не будут ее есть».

Блэкман приводит еще одну строку свидетельских показаний: клиенты (предположительно, до вступления в силу Кодекса) «имеют право отказы-

---

знание, logos — учение) — философско-методологическая дисциплина, в которой исследуется знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие.

³ Термин в иудаизме, означающий дозволенность (сделать что-либо).

ваться от цыплят или не покупать определенных цыплят, если они того желают?» «Да, верно... покупатель входит, сам осматривает каждую птицу и покупает именно ту, какую он хочет». Это ничего не говорит о обычае, основанном на религии, это просто свидетельствует об обычном предпочтении потребителя. Шлейс в своем ответе подчеркивает, что ее книга «являлась фактически заявлением о том, что «непосредственное убийство» противоречит логике выбора потребителя», что составляет основу нашей рыночной экономики».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Оригинал статьи «Gender, law and jurisprudence» (2018):

GENDER, LAW AND JURISPRUDENCE (2018)

© Joanne Conaghan (pre-publication version, published version to appear in Rosemary Auchmuty

Great Debates in Gender and Law

(https://www.researchgate.net/publication/318403390_Gender_Law_and_Jurisprudence)

Few courses elicit such mixed student responses as Jurisprudence and/or Legal Theory. For some, it is a welcome relief from the doctrinal emphasis of the core curriculum; for others, it is an irritant to be endured, or even better avoided, assuming one follows a programme in which jurisprudence is not required. It is true that in recent decades the subject has undergone considerable transformation. The traditional emphasis on general jurisprudence, cast as a seemingly irresolvable tension between certain schools of jurisprudential thought (usually legal positivism and natural law), has given way to a more diverse, eclectic selection of themes, encompassing both the traditional syllabus and a proliferation of new legal theories somewhat different in orientation and approach. Whereas legal positivism and natural law are preoccupied in various ways with the question of what law is, new approaches – feminism, critical legal studies and critical race theory – appear more concerned with what law does, with the effects of law on lived experience and the potential of law to transform that experience in positive ways. Too often though, the jurisprudence curriculum unfolds as a succession of discrete debates within self-referential bodies of literature with little or nothing to say to one another. For example, feminism is deeply interested in how law is implicated in the production and maintenance of gender norms but struggles to get excited about whether the rule of recognition is a convention, fiction or social fact. Similarly, legal positivism, while enthusiastically

engaging with questions pertaining to the relationship between law and morality, has no discernible interest in probing the relationship between law and gender.

In this chapter, I consider two debates which occupy a central place in the jurisprudence curriculum to show how attention to gender can throw useful light on mainstream jurisprudential debate. The first is the ‘what is law?’ question, to which I bestow a gendered twist by probing feminist assertions that (the concept of) law is gendered. The second is an equally familiar focus of jurisprudential angst, namely, the question of whether there is a right answer to legal disputes.

Debate 1 Is (the concept of law) gendered?

What does it mean to say that law is gendered? No one would deny that certain laws reflect, or contribute to the production of, gendered social arrangements. Indeed, much feminist scholarship has been devoted to exposing and critiquing the role law has played, historically and contemporaneously, in promoting and maintaining gender inequalities in the family, workplace, and intimate sexual relations. But to claim that law - as opposed to particular legal regimes - is gendered is to assert that gender is implicated in a general sense, that it is part of what we apprehend as law and/or is relevant to understanding how and what law does. This larger claim more readily corresponds with the ethos and spirit of general jurisprudence and, unsurprisingly, features centrally in feminist engagements with legal theory. As Nicola Lacey, one of the few female scholars successfully to penetrate the bastion of the jurisprudential mainstream, remarks, ‘the idea of feminist legal theory... suggests there is something not merely about particular laws or sets of laws, but rather and more generally, about the very structure or method of modern law which is hierarchically gendered’.

Similarly, Ngaire Naffine speculates that ‘a problem of sex [is] bias built into the very forms of law’. Both scholars intimate that gender relates not only to the content of law but also to how law is conceived, structured and practiced. Pioneering feminist legal scholar, Catharine MacKinnon, goes further. She asserts that law is male, expressing and enacting men’s power over women. How does law do this?

Surely law is, or aspires to be, neutral, rational and objective, if not in content, certainly in application. According to MacKinnon, it is anything but: 'Law sees and treats women the way men see and treat women 'The perspective or standpoint of law is male. Critically, however, law does not present itself as such but uses notions of neutrality, rationality, and objectivity to mask the partiality of its position, law's investment in sustaining male power. The adoption of a gender-neutral stance in relation to the application of legal norms places gender-differential outcomes outside the formal scope of law's operations. The recasting of messy social problems as abstract dilemmas of rationality filters out of legal consideration 'extraneousities' such as gendered asymmetries of power and privilege. And, of course, the stubborn adherence to a stance of dispassionate indifference to the consequences of its own operations cements law's position as 'a neutral arbiter among conflicting interests', neither responsible for existing distributions of power and resources nor charged with redressing them. Hence, 'what counts as [legal] reason corresponds with the way things are'.

Within feminist theory, MacKinnon's stance is often criticised as presenting an uncompromising picture of law as enacting male power. The operations of power are more complex, it is argued, and not so relentlessly one-way. While it is true that, broadly speaking, legal and social arrangements do still tend to work to men's benefit and women's disadvantage, the gendered effects of regulatory regimes may vary, making it is wrong to assert that law, always and inevitably, assumes a male point of view. To reject the claim that law is male, however, is not to conclude that law is not gendered in just the ways MacKinnon suggests. This is because the power of her critique lies not in exposing law's perspective as male but in excavating the modalities that law deploys to promote the appearance of not having a perspective at all: 'Male dominance', she declares, 'is perhaps the most pervasive and tenacious system of power in history... Its point of view is the standard for point-of-viewlessness, its particularity the meaning of universality'. It is important to clarify the scope and limits of what MacKinnon is propounding here. It is sometimes suggested that the feminist critique of law is misplaced; law, it is argued, makes no claim to neutrality

as between different interests as legal operations almost always produce outcomes which benefit some and disadvantage others. That the content of law may be tilted in ways which reinforce male (or other group) interests, critics submit, constitutes no great theoretical insight. However, this is to misunderstand MacKinnon's claim. Her critique, and that of feminist legal scholarship more broadly, goes further implicating not just law's substance but also law's form in gendered operations and effects. The engagement is not only with what law does but how law does it.

Law's *modus operandi*, the conventions and techniques which govern it as a discursive practice - the primacy of logic, impetus to abstraction, deference to coherence, valorization of *a priori* reasoning - these are the target of feminist critique. This is more than an assertion that because law is blind to power, it allows power to operate unchecked. In fact, law is not blind to power though such a conception of the law-power relation is enabled by a modality in which the legal and the social are invariably placed at an appropriately safe distance from one another. This is precisely the point. To think of law in its own terms, that is, to apprehend it as a distinct corpus of norms subject to specific techniques of derivation, navigation, and application, is to plot the terrain of law's operations with the coordinates already fixed and in place. Within this mapping, law is formally positioned in relation to its 'others' (morality, politics, society), reflecting a conceptual schema so familiar to legal thought as rarely to provoke challenge, a schema in which power is seen to be exercised by and through law but is not of law.

Law is always located at a conceptual and normative remove from the objects, implications, and effects of its operations. What is at issue here is no less than the relation between law and life, between legal and social being. Granted, mainstream jurisprudence accepts the social and legal are related. Within this framing, the legal is generally posited as a derivation of the social: Les Green, for example, regards law as 'a social construction... made by people thinking and acting'. But, Green continues, 'law exists in a physical universe that is not socially constructed and it is created by and for people who are not socially constructed either'.

What does Green mean when he says that people are not socially constructed? Is he referring to the materiality of their bodies, the cognitive operations of their minds or what? What about people's gender? Is that socially constructed? Elsewhere Green agrees that gender is 'as socially constructed as it gets' though sex he regards as a brute biological fact. Green draws here on a distinction common in social theory between sex as nature and gender as social construction. This distinction has been the focus of repeated challenge in feminist theory for positing too sharp a division between nature and culture. In particular, our perception of sex, understood as biological difference, is arguably already overlaid by cultural assumptions about what corporeal divergences signify.

Nevertheless, returning to the notion that 'people' are not social constructed but that gender is, are people then genderless (but presumably sexed)? When we say that 'people thinking and acting' produce law, do they think and act without reference to gender (because gender is socially constructed and people are not)? This ambiguity is not accidental and reflects a deeper problem with the way in which the legal and the social are configured in mainstream jurisprudence. Focusing on the nature of law, jurisprudence pays scant attention to the nature of social being; this is merely part of the background to the main enquiry into legal phenomena. Whether or not gender is natural or social is, irrelevant for jurisprudential purposes because nature and society are irrelevant except insofar as they provide the context for law's operations. But how do we know we can explore what law is with limited reference to or exploration of the relation between law and its 'context'? And how do we know people are not socially or even legally constructed? The assumption that 'people' are in some unspecified sense beyond law and society is precisely that, an assumption about the nature of social being, taking the form of a truth, which is then cemented in the architecture of legal thought.

At this point, feminism converges with other critical theories in taking a different view of people and their relation to law. Let's begin with the distinction between what is real and how we perceive and/or represent what is real, the troubling dichotomy between matter and meaning. One approach, broadly associated with

modernity, is to assume that reality can be accurately represented. The object of knowledge becomes the correct depiction of the real. Objective knowledge of the world, the product of detached, unsituated contemplation, is therefore possible and desirable. Another approach, generally attributed to postmodernism, asserts that because what we perceive to be real is always mediated through language, reality cannot exist outside our social/linguistic constructions: knowledge is socially situated and subjective. On the one hand then, we have matter, stuff, the physical world to which Green alludes. On the other, we have meaning, the ideas, concepts and beliefs which inform how we apprehend, interpret, and experience the material world, including corporeality. Putting the dilemma in the crudest possible terms, modernist thinking tends to assume that matter determines meaning while postmodernists veer towards the notion that meaning determines matter.

Let's bring this back to how we conceive the relation between law and life: it seems that modernism views life as producing law while postmodernism sees law as producing life. Framed in this way, one or other position would appear to be wrong, but let us suppose that neither is. Suppose instead that law and life are just so hopelessly intertwined that depicting their relation in some total or unconditional sense is simply not possible. The precise nature of the relation between law and life is arguably as complex as that between meaning and matter. Surely what is critical is to acknowledge that complexity, not assume it away. Theoretical physicist and feminist theorist, Karen Barad, describes the relation between matter and meaning as entangled. Barad rejects accounts of the world in which the natural and social are conceived as distinct and separate realms, problematizing ideas of human agency and causation and challenging simplistic conceptions of natural realism versus social constructivism.

Perhaps this is a good way to view the relation between life and law:

Both the social and the legal act upon, within and through one another so that while it may be true that law comes into being through people thinking and acting, it is equally true that people come into being through law thinking and acting. People

are socially constructed but they are also embodied and materially situated: the challenge is surely to articulate a jurisprudence which encompasses the entanglement of matter and meaning in social and legal being. This is where the form law takes in the mainstream jurisprudential imagination becomes a problem. MacKinnon calls attention to the liberal view of law as ‘the mind of society’, that is, as rational, disembodied, immaterial. She argues that this conception of law actively enables and empowers gender and other hierarchies. Law is conceived as ‘other’ than matter, formally distinct from, though acting upon, the material world. The Cartesian metaphor helps to support an idea of law as discrete, bounded, autonomous, reinforcing the conceptual and normative distance of law from life, and of the legal subject from his/her embodiment. The concepts which underpin this realization of law, for example, the unitary legal subject, formal equality, dualistic configurations of legal space (public/private, self/other, reason/affect) also presuppose the expulsion of matter from law. Even the distinction between form and substance, between how and what law does, is intelligible only within a frame in which the intra-constitution of being and doing (the way in which what we are and what we do shape and inform each other) is disregarded. In other words, the conditions for the existence of the concept of law which is the predominant focus of mainstream jurisprudence include a set of assumptions about the relation of matter and meaning, reality and representation, which are at the very least contestable.

It may be too that the highly prized jurisprudential quest to formulate a unified concept of law, separate from and independent of the contexts in which law operates, is quixotically misplaced. Increasingly this seems to be recognized by jurisprudential scholars. Brian Tamanaha, for example, calls for a ‘non-essentialist’ conception of law, attentive, first contextualizing the conceptual structures of law within broader social practices, not least to ensure that changes in those structures over time and place can be tracked and analyzed.

Let’s return now to our original question: is (the concept of) law gendered? Gender is clearly not a category of formal significance in conventional jurisprudence. It is that very absence which occasions pause for thought: how can law, which

all agree is a social construct, be without gender (which is ‘as socially constructed as it gets’) and a primary feature of social ordering? Scratching the surface of legal theory, we find that law is not only without gender but without sex: matter, including corporeality, is formally expunged from law’s contours which are purely intellectual, disembodied, immaterial, rationally derived. As Margaret Davies observes: ‘The assumption seems to be that law is separate from and indeed precedes the acts through which it is made manifest’.

To put it another way, what counts for purposes of jurisprudential reflection is an idea of law, already conceived as separate and distinct from its multiple and power-inflected instantiations in everyday life. Suppose for a moment we resist the impulse so engrained in legal thought to disconnect law from everything else. Suppose instead we seek out the connectedness of law, including the connection between law and material life. Why should materiality be expunged from law? If we accept instead that matter and meaning are deeply entangled, then to posit a notion of law unmarked by materiality seems highly questionable. From there, it is no small step to speculate that the materiality of law (bearing in mind the conditions in which law, as we currently understand it, has come into being) is male or at the very least gendered. In other words, recognising the entanglement of matter and meaning brings gender (as well as race and other features of identity which may be corporeally mediated) to the foreground of legal thinking and theorising. Correspondingly, probing the absence of gender flushes out the suppressed materiality in conventional legal thought, allowing it to emerge.

In a recent feminist analysis of HLA Hart’s *Concept of Law*, Emma Cunliffe tracks the various ways in which gendered, specifically masculine traits creep into Hart’s construction of the ‘ordinary citizen’, from whose perspective Hart explores the idea of legal obligation.

Cunliffe shows how Hart’s general non-empirical legal subject is underpinned by assumptions about individual autonomy and human rationality which are historically and contextually contingent as well as symbolically, culturally or socially aligned with masculinity. Her critique illustrates how a stance which purports to be

genderless may nevertheless incorporate gendered assumptions into reasoning about how people experience and apprehend law or how they are positioned in relation to law's operations which in due course transmute into apparently unassailable assertions about the nature of legal obligation. Ultimately, the important question here is not whether law is gendered but how that gendering process may be understood within the framework of a broader enquiry into the relation between life and law, underpinned by a theoretical orientation which is unrestricted and acknowledges the significance of materiality in jurisprudential endeavors.

No one is more in pursuit of a right answer to a legal dispute than the first-year law student. Correspondingly, it is a matter of regret to most graduates that the cumulative effect of their legal education is to disabuse them of the notion that any right answer exists. In only one element of their legal studies does the holy grail of legal correctness still tantalize. No self-respecting course in jurisprudence fails to give sustained attention to the question of whether, and to what extent, legal norms actually determine legal outcomes. From the rigidity of legal formalism to the indeterminacy of rule-scepticism, the degree of constraint which law imposes on judicial decision-making continues to excite scholarly debate. What bearing does the dilemma of legal in/determinacy have on gender and feminist theory? An obvious concern is that if legal norms do deliver right answers, how do we account for past decisions plainly imbued with dubious assumptions about gender roles and relations? Did the common law really require that Miss Bebb be denied entry into the legal profession because of her sex?

One can of course dismiss such objectionable decisions as erroneous: there was/is a right answer but in this instance the court failed to reach it. The notion that judges sometimes get things wrong is plausible but, from the perspective of Miss Bebb and feminist theory, hardly satisfying. Judges seem to have got things wrong a lot in times gone by, especially when it came to women. The more likely explanation is that judges were/are influenced by social and cultural norms when interpreting and applying the law, including gender norms. What is the status of these norms - many of which were contestable even within the historical contexts in which they

arose - in legal decision-making? If judges acting properly can rely on values and beliefs which in retrospect are plainly objectionable, how is it possible to say there is a right answer to legal disputes? Why does the notion that law delivers right answers hold such appeal, notwithstanding its patent fallibility? Moreover, what consequences flow from organizing our expectations of, and aspirations for, law around this idea(l)? Clearly the belief that law delivers right answers buttresses law's authority and therefore its effectiveness as a mode of governance. Judges too are more comfortable with the idea that they expound rather than create law and are loathe to abandon the view that their capacity to determine legal outcomes is appropriately constrained by the doctrinal framework.

Duncan Kennedy argues that judges are in denial about the fact that they bring into play their own ideological preferences in legal decision-making. That judges experience themselves as constrained is not in question, Kennedy contends: it is this experience of constraint which enables them to engage in what are effectively political acts while willfully blind to the fact that they are doing so. For Kennedy law is a form of political practice, but a distinct form in which the ideological preferences of judges find expression within techniques of legal reasoning. Dworkin too agrees that law is political. However, unlike Kennedy, who sees judges as bad faith political actors, Dworkin views recourse to political (and moral) arguments as part of what doing law entails. Far from acting in bad faith, legal fidelity requires judges to interpret and apply law so that it fits with what has gone before, drawing on the political and institutional history of the relevant legal materials. In this process, there may well be room for judicial disagreement about what is the right outcome but there is a right outcome nevertheless (although it can require Herculean judicial superpowers to reach it).

Kennedy and Dworkin are much preoccupied with the political dimensions of law, reflecting the concerns and anxieties of North American legal scholars. By contrast, Hart has little to say about politics and even less about adjudication. Moreover, notwithstanding that he characterizes law as a union of primary and secondary rules, Hart does not deny that judges make law at least in hard cases when the limits of a

rule-based system are confronted. Building on this framework, Scottish jurist, Neil MacCormick, elaborates a theory of legal reasoning within Hart's positivist vision, stressing the syllogistic character of legal rules and, therefore, the role of logic in legal reasoning processes.

MacCormick's invocation of logic powerfully reaffirms the idea that law delivers right answers. At the same time, MacCormick agrees there are occasions when deductive reasoning, that is, the syllogistic application of rules, fails to determine outcomes. What if the rule is ambiguous and requires interpretation or what if the claim raises a novel question of law? What then does the judge do? In the absence of a determining rule, says MacCormick, the judge must choose between competing arguments, the process no longer one of deductive reasoning but evaluation. This dimension of legal reasoning entails identifying and/or deploying those arguments likely to carry the greatest legal weight. Where do legal arguments come from and how might they be characterized? According to MacCormick they derive from principles and values, not just any principles and values, but those which have penetrated legal terrain and gained approval. 'New' values or principles may be introduced but they will struggle for recognition unless and until they find full acceptance in the courts.

Consent is a value so deeply embedded in the fabric of law that it carries huge weight when invoked. By contrast, the principle of sex equality is relatively new to law and has taken centuries to secure a sufficient grip on legal argument to displace the presumption of irrevocable consent once justifying the marital rape exemption. The legal contortion of consent to secure a husband's dominion over his wife's body evidences law's historical investment in male power, the accumulation of shared values and beliefs held by generations of (male) lawmakers. If values and principles garner weight in legal argument according to the extent to which they are accepted as legally relevant, the result will almost inevitably be a normative regime which reflects the viewpoints of those who get to participate in legal practice. What happens if the legal community becomes more diverse, bringing into legal contention a wider range of values and principles? One hopes that historically entrenched power

relations will be dislodged as new voices find expression within the conventions of legal argument. Does legal reasoning aid normative inclusion here or are there features of the reasoning process which inhibit the alignment of law with the interests and concerns of historically marginalized groups? Two features of MacCormick's analysis bear further attention in this context. The first is his emphasis on the logical structure of law as a rule-based system. It is true that legal outcomes are not always (or even often) the product of pure logic but the normative regime is underpinned by logic: logical operations structure and inform legal argumentation. Because legal recourse to values and principles occurs within a discursive framework which is founded on logic, it is easy to assume that when judges are engaged in weighing and balancing arguments (as opposed to the syllogistic application of rules) they are still, in a sense, engaged in logic. Notions of rightness thus infuse the whole adjudicative process obscuring the role played by evaluative operations in the determination of legal outcomes.

A second aspect of MacCormick's analysis of legal reasoning more directly troubles the notion that diversity provides an easy solution to the historical problem of law's positionality. MacCormick argues that the functioning needs of law as a system for regulating human conduct impose certain constraints on the development and application of values and principles in law, constraints which also serve as justificatory devices in legal argument. Specifically, for law to do its job, decision-making should be consistent, that is like cases should be treated alike and they should be coherent in the sense of fitting seamlessly within the broader fabric of law (echoing Dworkin's notion of law as integrity). A further constraint identified by MacCormick is that the consequences of decisions must be considered, requiring judges to gauge the likely impact of decisions beyond the immediate circumstances of the case. Together these constraints place significant limits on how values and principles grow and develop in legal argument. Normative contestation takes place but subject to necessary strictures to ensure the functioning of the legal whole. This means that any attempt to change the normative tilt of law through the creative deployment of legal argument (as opposed to legislative reform) is similarly restricted. Efforts to

purge legal doctrine of its patriarchal past must confront the requirement that new decisions cohere with the existing legal fabric, imbuing problematic principles with authority independent of their merits (consider again the remarkable durability of the marital rape exemption) and promoting the continuation of intellectual structures, conventions, and canons of authority in which deep cognitive biases inhere.

Meanwhile, regard for consistency enshrines into legal form an aesthetic of sameness and difference, privileging conformity to unarticulated normative preconceptions, which, *inter alia* affords a standpoint through which gender (and gender difference) is legally conceived and situated. Finally, attention to consequences leads judges into making speculative pronouncements about the future, often based on very partial knowledge and limited experience. Of course, the extent to which consequences can be correctly predicted essentially depends on what one knows; however what one knows is invariably related to what one values. When a judge concludes that imposing a duty of care on the police will impede effective policing, he is approaching the issue from the perspective of one who knows the police need no threat of liability to encourage them to do their job.

On the other hand, someone who knows there is a serious problem with domestic violence and is concerned that the police appear repeatedly to fail domestic violence victims may well view the imposition of duty of care more positively. In other words, consequential reasoning is only as good as the knowledge which underpins it and is an inescapably value-laden exercise. This suggests that greater judicial and practitioner diversity, by expanding the knowledge base of legal actors, should enhance law's potency as a channel for progressive argumentation. However, while few would deny that diversity is a goal to which to aspire, there remain real difficulties with integrating diverse perspectives into a discursive form which relies for its authority and legitimation on a claim to univocally. How are we to know what constitutes a good legal argument in the absence of some consensus, some shared ethical and/or political orientation with regard to the values and principles which legal reasoning activates? Diversity poses a critical challenge to legal reasoning as it has been understood and practiced for centuries. The very notion of a single correct

answer to a legal dispute is at odds with the idea that diverse views on how to act may properly - legally - co-exist. Although we see such diversity in play every day in the differing conclusions reached by judges, we still rely upon the principle that only one prevails. This is more than simply the pragmatic acknowledgment that some definitive conclusion must be reached if law is to perform the functions assigned to it. The unity of law, its integrity and impenetrability, is critical to the authority it asserts in our political culture. It is not that law always and everywhere has to take this singular form, but that once taken, it becomes difficult to conceive otherwise. Take the principle of equality before law which we value and respect without question: Yet this very same principle makes it challenging for law to recognize diverse subjects. The legal impulse is to suppress difference (including gender difference) rendering the notion of diverse, fragmented legal subjects unintelligible within the contours of legal rationality.

To return then to our question, is there a right answer to legal disputes or can diverse legal answers co-exist? I have argued that a commitment to the belief that right answers exist remains deeply embedded in the practices of legal reasoning and the justifications which support those practices. At the same time, adherence to the idea of a right answer (with its associated suppositions) poses difficulties in the context of efforts to deploy legal argument progressively to equality-enhancing ends. This is not to suggest that the tools of legal argument are not worth utilizing but rather to acknowledge that utilizing them effectively in the interests of diversity is demanding and requires a deep and sophisticated grasp of the techniques of legal reasoning and the limitations of the legal form.

Перевод статьи ««Gender, law and jurisprudence» (2018):

ПОЛ, ЗАКОН И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ (2018)

Автор: Джоан Конаган

Статья в книге

«Большие дебаты по вопросам пола и закона»

В течение нескольких курсов выявляются неоднозначные реакции студентов на такие дисциплины как юриспруденция и / или теория права. Для некоторых это является желанным освобождением от научно-правового акцента основной учебной программы; для других это представляет собой раздражающий фактор, с которым необходимо смириться или которого даже лучше избегать, если допустить, что можно следовать программе, в которой юриспруденция не требуется. Это правда, что в последние десятилетия этот вопрос претерпел значительные преобразования. Традиционный акцент на общую юриспруденцию, представленный как кажущееся неразрешимым напряжением между некоторыми школами юридической мысли (как правило, это правовой позитивизм и естественное право), уступил место более разнообразному, эклектичному отбору тем, которые охватывают как традиционную программу обучения, так и распространение новых теорий права, которые до некоторой степени отличаются друг от друга по своей направленности и подходу. В то время как правовой позитивизм и естественное право по-разному озабочены вопросом о том, что такое закон, новые подходы - феминизм, критические правовые исследования и критическая расовая теория, кажется, более заинтересованы в том, чем занимается право, рассматривают влияние права на жизненный опыт и потенциал права для того, чтобы позитивным образом этот опыт преобразовать. Слишком часто, тем не менее, учебная программа по юриспруденции проводится в качестве последовательно идущих друг за другом дискретных дебатов в рамках ссылающихся друг на друга литературных источников, в которых практически ничего существенного не может быть сказано. Например, феминизм глубоко заинтересован в том, каким образом право вовлечено в производство и поддержку гендерных норм, но изо всех сил пытается выяснить, является ли правило признания конвенцией, вымыслом или со-

циальным фактом. Подобным образом, правовой позитивизм, хотя и занимается с энтузиазмом вопросами, касающимися отношений между законом и моралью, не проявляет явного интереса к изучению отношений, существующих между законом и полом.

В этой главе я рассматриваю два обсуждения, занимающие центральное место в учебной программе по юриспруденции с целью демонстрации того, как внимание к вопросам пола может пролить необходимый свет на доминирующие дебаты юридической направленности. Первым будет рассмотрен вопрос «Что такое закон?», изучаться он будет с гендерной точки зрения, учитывая феминистские утверждения о том, что в основе (концепции) лежит гендерный аспект. Второй будет рассмотрена не менее знакомая тема правоведческих опасений, то есть, вопрос о том, существует ли правильный ответ на юридические диспуты.

Обсуждение 1. Лежит ли в основе (концепция права) гендерный аспект?

Что это значит – гендерно обусловленное право? Никто не станет отрицать, что определенные законы отражают или содействуют созданию гендерных социальных механизмов. В самом деле, многие исследования феминистов были посвящены выявлению и критике той роли, которую право в прошлом и на современном этапе играл в поощрении и поддержании гендерного неравенства в семье, на рабочем месте и в интимных сексуальных отношениях. Но утверждать, что в основе права - в отличие от конкретных правовых режимов – лежит гендерный аспект, значит утверждать, что пол (в общем смысле) составляет часть того, что мы воспринимаем как право, и / или относящееся к пониманию того, как и что совершает право. Это представляется сложной претензией, которая больше соответствует духу общей юриспруденции и, что не удивительно, фигурирует в центре феминистских взаимоотношений с теорией права. Как отмечает Никола Лейси, одна из немногих женщин-ученых,

успешно проникших в бастион правоведческого мейнстрима, «идея феминистской теории права ... предполагает, что есть что-то не только в конкретных законах или сводах законов, но, скорее, в более общем смысле, в самой структуре или методе современного закона, что является гендерно обусловленным по своей иерархии».

Сходным образом, Нгайр Наффин полагает, что «проблема пола - это предвзятость, встроенная в саму форму права». Оба ученых подчеркивают, что вопрос пола относится не только к содержанию права, но и к тому, каким образом право воспринимается, структурируется и применяется на практике. Феминистка Катарина Маккиннон, будучи пионером в области права, идет еще дальше, утверждая, что право основано на мужских принципах, оно выражает и насаждает власть мужчин над женщинами. Как оно это делает? Конечно, закон является нейтральным, рациональным и объективным, или стремится быть таковым, если не по содержанию, то, конечно, в применении. Согласно МакКиннону, неправильно думать, что: «Закон рассматривает женщин и относится к ним так, как это делают мужчины в отношении женщин». Перспектива или точка зрения закона являются мужскими. Критически, однако, закон не презентует себя как таковой, а использует понятия нейтральности, рациональности и объективности, чтобы замаскировать пристрастность своей позиции и собственные усилия в поддержку власти мужчин. Принятие нейтральной с гендерной точки зрения позиции в отношении применения правовых норм выводит гендерные различия за пределы формальной сферы действия закона. Перечисление бесчисленных социальных проблем в качестве абстрактных дилемм рациональности не допускает юридического рассмотрения «внешних факторов», таких как гендерная асимметрия власти и привилегий. И, конечно же, упрямая приверженность позиции беспристрастного равнодушия к последствиям своих собственных действий укрепляет позицию закона как «нейтрального арбитра среди конфликтующих интересов», не несущего

ответственности за существующее распределение власти и ресурсов и не уполномоченного возмещать их. Следовательно, «то, что считается [юридической] причиной, согласуется с тем, как обстоят дела».

В рамках феминистской теории позиция МакКиннон часто подвергается критике за то, что она презентует бескомпромиссную картину закона как действия власти мужчин. Как утверждается, действия власти более сложны и, с одной стороны, не так безжалостны. Хотя, действительно, в широком смысле правовые и социальные механизмы все еще имеют тенденцию работать на благо мужчин и в ущерб женщин, гендерные последствия нормативных баз могут варьировать. Что указывает на некорректность утверждения о том, что закон всегда и неизбежно предполагает мужскую точку зрения. Однако отклонение утверждения о том, что закон основан на мужском мировоззрении, не означает, что нужно сделать заключение относительно отсутствия гендерного аспекта, лежащего в основе закона, как это предлагает МакКиннон. Поскольку, сила ее критики заключается не в том, чтобы выявить мужскую точку зрения, составляющую основу права (закона), а в том, чтобы отыскать приемы, которые закон использует с целью создания впечатления какой-либо точки зрения вообще: «доминирование мужчин», заявляет она, «возможно, является наиболее всеобъемлющей и цепкой системой власти в истории ... Ее точка зрения является стандартом для отсутствия таковой, ее особенность заключается в значении универсальности». Важно уточнить сферу и рамки того, что здесь предлагает МакКиннон. Иногда считается, что феминистическая критика права является неуместной; закон, как утверждается, не претендует на нейтральность, устанавливаемую между различными интересами, поскольку юридические действия почти всегда приводят к пользе одних людей и невыгоде других. Критики утверждают, что содержание закона, которое может быть изменено с целью усиления интересов мужчин (или иных групп лиц), не составляет факта большой теоретической проницательности. Однако это является неверным истолкованием утверждения МакКиннон. Ее критика, а также критика феминистской юридической науки в более широком понимании идет

дальше, касаясь не только сути закона, но и его формы в гендерно обусловленных действиях и их последствиях. Механизм связан не только с тем, что делает закон, но также с тем, как он это делает.

Modus operandi (лат. образ действия) закона, условности и приемы, которые определяют его как дискурсивную практику, а именно: это примат логики, побуждение к абстракции, уважение к последовательности, одобрение априорных рассуждений - вот что является целью критики ученых-феминистов. Это больше, чем утверждение, так как закон смотрит сквозь пальцы на всё, что касается власти, он позволяет власти поступать так, как она того хочет. Фактически, закон не смотрит на власть сквозь пальцы, хотя такая концепция отношения власти и закона обеспечивается теми методами, с помощью которых правовая сфера и социальная неизменно находятся на достаточно безопасном расстоянии друг от друга. Это очень важно. Думать о законе в рамках его собственных терминов, то есть воспринимать его как специфический свод нормативов, подчиненных определенным методам деривации, навигации и применения, означает представлять область действия закона с уже закрепленными и установленными координатами. В рамках этого отображения закон формально позиционируется по отношению к своим «другим» (мораль, политика, общество), отражая концептуальную схему, настолько знакомую правовой мысли, что это редко приводит к созданию схемы, в которой власть рассматривается как действующая с помощью закона, но не согласно ему.

Закон всегда находится на концептуальном и нормативном удалении от объектов и последствий своих действий. Здесь речь идет о связи между законом и жизнью, между правовым и социальным бытием. Безусловно, юриспруденция основного направления понимает, что сферы правовая и социальная связаны между собой. В рамках этого правовая сфера обычно считается производной от сферы социальной: например, Лес Грин рассматривает закон как «социальную конструкцию... созданную думающими и действующими людьми». Но, продолжает Грин, «закон существует в физической вселенной,

которая не является продуктом общественного развития, она создается людьми и для людей, которые также не представляют собой такого продукта».

Что Грин подразумевает, когда говорит, что люди не являются продуктами общественного развития? Имеет ли он в виду материальность их тел, когнитивные операции их мозга или что? А как насчет половой принадлежности людей? Это является продуктом общественного развития? В другом месте Грин соглашается с тем, что пол – это социальный конструкт настолько, насколько это возможно, хотя секс он считает грубым биологическим фактом. Здесь Грин проводит различие, распространенное в социальной теории, между полом в смысле природы и полом как продуктом общественного развития. Это различие стало центром неоднократных обсуждений в феминистской теории для установления слишком резкого разделения между природой и культурой. В частности, на наше восприятие пола, понимаемого в качестве биологического различия, возможно, уже наложены предположения культурного происхождения о том, что означают различия телесные.

Тем не менее, если полагать, что «люди» не являются продуктами общественного развития, а пол таковым является, означает ли это что люди - существа бесполое, (но предположительно имеющие пол)? Когда мы говорим, что «думающие и действующие люди» создают закон, думают ли они и действуют ли безотносительно к полу (поскольку пол является социальным конструктом, а люди нет)? Эта двусмысленность не случайна и отражает более глубокую проблему в том виде, в каком правовая и социальная сферы представлены в основной юриспруденции. Фокусируя внимание на природе права, юриспруденция уделяет мало внимания природе социального бытия; это лишь часть фона для основного исследования правовых феноменов. Независимо от того, является ли пол природным или социальным по своему происхождению, для правоведческих целей это совсем неважно, поскольку природа и общество не принимаются во внимание, за исключением того, что они обеспечивают контекст для действий закона. Но как нам узнать, можем ли мы исследовать, что есть закон, с ограниченным кругом полномочий или провести изучение связи

между законом и его «контекстом»? И как мы узнаем, что люди не являются продуктами не только общественного, но и правового развития? Предположение о том, что «люди» стоят в каком-то неопределенном смысле вне закона и общества, является именно указанным выше предположением о природе социального бытия, принимающей форму истины, которая затем закрепляется в построении юридической мысли.

На этом этапе феминизм расходится с другими критическими теориями, принимая иную точку зрения насчет людей и их отношению к закону. Можно начать с различия между тем, что есть реальность, и тем, как мы воспринимаем и / или представляем эту реальность, проблематичную дихотомию между материей и смыслом. Один из подходов, широко связанных с современностью, заключается в предположении, что реальность может быть точно репрезентирована. Объект знания становится корректным изображением реального. Следовательно, объективное познание мира, как продукта обособленного, безотносительного к каким-либо обстоятельствам созерцания, возможно и желательно. Другой подход, обычно приписываемый постмодернизму, утверждает, что, поскольку то, что мы воспринимаем как реальное, всегда опосредовано языком, реальность не может существовать вне наших социальных / языковых конструкций: знание является субъективным и социально обусловленным. С одной стороны, у нас есть материя, материальные вещи, физический мир, на который намекает Грин. С другой стороны, мы имеем смысл, идеи, концепции и убеждения, предоставляющие информацию о том, как мы понимаем, интерпретируем и переживаем материальный мир, включая телесность. Определяя дилемму самыми грубыми терминами из всех возможных, модернистское мышление имеет тенденцию предполагать, что материя определяет смысл, в то время как постмодернисты склоняются к мысли о том, что смысл определяет материю.

Теперь вернемся к тому, как мы понимаем связь между законом и жизнью: кажется, что модернизм рассматривает жизнь как то, что порождает за-

кон, а постмодернизм, напротив, считает, что закон порождает жизнь. Заключенная в такую форму, та или иная позиция может показаться неправильной, однако, стоит предположить, что ни одна из них не является таковой. Вместо этого сделаем предположение о том, что закон и жизнь так тесно переплетены друг с другом, что изображение их связи в каком-то полном или безусловном смысле просто невозможно. Возможно, точная природа отношений между законом и жизнью, столь же сложна, как и связь между смыслом и материей. Безусловно, важно признать эту сложность, а не отвергать ее. Физик-теоретик и феминист Карен Барад описывает взаимосвязь между материей и смыслом как весьма запутанную. Барад отвергает представления о мире, в котором природное и социальное воспринимаются как обособленные сферы, говоря о сложном взаимодействии человеческого фактора и причинности и бросая вызов упрощенным концепциям природного реализма и социального конструктивизма.

Возможно, это хороший способ рассмотреть связь, существующую между жизнью и законом:

Как социальная, так и правовая сферы действуют друг на друга, внутри друг друга и посредством друг друга, так что, хотя и может быть правдой то, что закон возникает благодаря мышлению и действию людей, в равной степени верно и то, что люди существуют благодаря мысли и действиям закона. Люди являются продуктами общественного развития, но они также обладают телесной оболочкой и обусловлены материальным существованием: задача, несомненно, состоит в том, чтобы дать определение юриспруденции, которая включает в себя внедрение материи и смысла в социальное и правовое бытие. Именно здесь, где форма закона принята в основной области юриспруденции, воображение становится проблемой. МакКиннон призывает либерально рассматривать закон как «разум общества», то есть, как на что-то рациональное, бестелесное, нематериальное. Она утверждает, что эта концепция закона активно расширяет возможности гендерных и других иерархий. Закон воспринимается как нечто «иное», отличное от материи, формально отличающееся от

материального мира, хотя и воздействующее на него. Метафора Декарта помогает поддержать идею закона как явления дискретного, ограниченного, автономного, усиливая концептуальную и нормативную дистанцию сферы закона от жизни и юридического субъекта, которым является человек. Концепции, лежащие в основе этой реализации закона, например, унитарный правовой субъект, формальное равенство, дуалистические конфигурации правового пространства (публичное / частное, я / другой, причина / аффект) также предполагают исключение материи из области закона. Даже различие между формой и материей, между тем, как и что делает закон, понятно только в тех рамках, в которых внутренняя конституция бытия и действия (способ, посредством которого мы существуем, действуем и информируем друг друга) часто обречена на пренебрежение. Другими словами, условия существования концепции права, которая является краеугольным камнем официально принятой юриспруденции, включают ряд предположений о соотношении материи и смысла, реальности и репрезентации, которые, по меньшей мере, спорны.

Вполне возможно, что крайне ценный правоведческий поиск формулирования единой концепции права, независимой от контекстов, в которых действует закон, по-донкихотски неуместен. Кажется, все чаще это, признают правоведы. Например, Брайан Таманаха призывает к «вспомогательной» концепции права, внимательной, в первую очередь, к рассмотрению контекста концептуальных правовых структур в рамках более широких социальных практик, не в последнюю очередь для достижения того, чтобы изменения в этих структурах, происходящие во времени и на местах, можно было отслеживать и подвергать анализу.

Вернемся теперь к нашему первоначальному вопросу: является ли (концепция) права гендерно обусловленной? Пол явно не является категорией формального значения в официально принятой юриспруденции. Это то самое отсутствие, которое иногда заставляет задуматься: как может закон, который, как принято думать, представляет собой продукт общественного развития, быть «бесполым» и являться основной характерной чертой социального

устройства? Вскрывая поверхность юридической теории, мы обнаруживаем, что закон не только не имеет пола, но он еще не имеет и секса: материя, включая телесность, формально выведена за границы закона, которые являются чисто интеллектуальными, лишенными материального воплощения, созданными на рациональной основе. Как отмечает Маргарет Дэвис: «Предполагается, что закон отделен от актов, посредством которых он проявляется, и на самом деле предшествует им».

Иными словами, для целей рефлексии правоведения важна идея права, уже задуманная как отдельная сфера и отличная от его многочисленных и существенных воплощений в повседневной жизни. Предположим на мгновение, что мы сопротивляемся укоренившемуся в правовой мысли импульсу отделить закон от всего остального. Вместо этого предположим, что мы ищем связующие нити закона, включая связь между законом и материальной жизнью. Почему материальность должна быть отделена от закона? Если вместо этого мы примем тот факт, что материя и смысл тесным образом связаны друг с другом, то положение понятия права, не отмеченного материальностью, представляется весьма сомнительным. Отсюда можно предположить о том, что материальность закона (принимая во внимание условия, в которых закон, в том виде, в каком мы понимаем его в наши дни) основана на мужской точке зрения мужской или, по крайней мере, является гендерно обусловленной. Другими словами, признание тесной связи между материей и смыслом выводит пол (а также расу и другие свойства идентичности, которые могут быть телесно опосредованы) на передний план правового мышления и теории. Соответственно, исследование отсутствия гендерной обусловленности вводит подавленную материальность в границы принятой правовой мысли, давая возможность ей проявиться.

В недавнем анализе Концепции права Г.Л.А. Харта (британский историк, философ, правовед), проведенном автором-феминистом Эммой Канлифф, отслеживаются различные способы, посредством которых гендерные, осо-

бенно мужские черты, внедряются в модель «обычного гражданина», выстроенную Хартом, с точки зрения которого ученый исследует идею правового обязательства.

Канлифф демонстрирует, как общий неэмпирический правовой субъект Харта подкреплён предположениями об индивидуальной автономии и человеческой рациональности, которые обусловлены исторически и контекстуально, а также символически, культурно или социально связаны с понятием мужественности. Ее критика показывает, как позиция, претендующая на беспоплотность, тем не менее, может включать гендерные предположения в рассуждения о том, как люди понимают и воспринимают закон, или как они позиционируются в отношении действий закона, которые со временем превращаются в явно неопровержимые утверждения относительно природы правового обязательства. В конечном счете, важный вопрос здесь состоит не в том, является ли закон гендерно обусловленным, а в том, как этот процесс гендерной обусловленности может быть понят в рамках более широкого исследования отношений между жизнью и законом. Все это подкреплено теоретическим направлением, являющимся неограниченным и признающим важность материальности в правоведческой деятельности.

Никто более упорно не способен искать верного ответа в правовом диспуте, чем студент, учащийся на первом курсе юридического факультета. Соответственно, большинство выпускников сожалеют о том, что общее последствие их юридического образования заключается в лишении их понимания того, что всякий верный ответ существует. Только в одном пункте их правовых исследований святой Грааль юридической корректности все еще остается мучительным. Ни один уважающий себя юридический курс не может уделять постоянного внимания вопросу о том, действительно ли и до какой степени правовые нормы определяют правовые результаты. От жесткости юридического формализма до неопределенности скептицизма, степени ограничений, которые закон накладывает на принятие судебных решений — все это продолжает

вызывать научные споры. Какое отношение имеет дилемма правовой детерминированности к гендерной теории и теории феминизма? Очевидное беспокойство вызывает то, что если правовые нормы действительно дают верные ответы, как мы отчитываемся за решения, принятые в прошлом, явно пропитанные сомнительными предположениями о гендерных ролях и отношениях? Действительно ли общее право требовало, чтобы мисс Бибб было отказано в занятии профессией юриста на том основании, что она - женщина?

Можно, конечно, определить такие нежелательные решения как ошибочные: был / есть верный ответ, но в этом случае суд не смог его предоставить. Представление о том, что судьи иногда ошибаются, правдоподобно, но, в отношении мисс Бибб и теории феминизма, оно вряд ли способно предоставить удовлетворение. Судя по всему, в прошлом многое было ошибочным, особенно, когда дело касалось женщин. Более вероятное объяснение заключается в том, что судьи находились под влиянием социальных и культурных норм при интерпретации и применении закона, включая нормы в отношении половой принадлежности. Каков статус этих норм в принятии юридических решений, ведь многие из них были спорными даже в тех исторических условиях, в которых возникли? Если судьи, действующие должным образом, могут полагаться на стандарты и убеждения, которые в ретроспективе являются явно нежелательными, как можно утверждать, что существует верный ответ на правовые диспуты? Почему идея о том, что закон дает верные ответы, остается такой апелляционной, несмотря на свою патентную погрешность? Более того, какие последствия исходят от наших ожиданий относительно закону вокруг этой идеи (1)? Ясно, что вера в то, что закон предоставляет верные ответы, подкрепляет его авторитет и, следовательно, его эффективность как способа управления. Судьям также больше нравится идея, что они, скорее, излагают, а не создают закон. Они не хотят отказываться от мнения, что их способность определять надлежащим образом правовые результаты ограничена доктринальными рамками.

Дункан Кеннеди утверждает, что судьи отрицают тот факт, что они приносят в игру свои идеологические предпочтения при принятии юридических решений. Утверждение Кеннеди о том, что судьи рассматривают себя в качестве зависимых, не подвергается сомнению: именно этот опыт зависимости позволяет им участвовать в политических действиях, в то же время они преднамеренно игнорируют, что этим занимаются. Для Кеннеди закон является формой политической практики, но особой формой, в которой идеологические предпочтения судей находят свое выражение в методах правового обоснования. Дворкин тоже согласен с тем, что закон полчинен политике. Однако, в отличие от Кеннеди, считающего судей недобросовестными политическими деятелями, Дворкин рассматривает обращение к политическим (и моральным) аргументам как часть того, что влечет за собой действие закона. В отличие от недобросовестности, правовая верность требует от судей толкования и применения закона таким образом, чтобы он соответствовал тому, что было раньше, опираясь на политическую и институциональную историю соответствующих правовых материалов. В этом процессе вполне может быть место для судебных разногласий относительно того, что является надлежащим результатом, но, тем не менее, такой результат действительно существует (хотя для его достижения могут потребоваться сверхмощные правовые силы Геракла).

Кеннеди и Дворкин сильно озабочены политическими аспектами права, что отражает общее беспокойство юристов и правоведов Северной Америки. В отличие от них, Харт мало говорит о политике и еще меньше о судебных решениях. Более того, несмотря на то, что ученый характеризует право, как союз первичных и вторичных правил, он не отрицает того факта, что судьи принимают законы по крайней мере в сложных случаях, когда сталкиваются с ограничениями системы, основанной на правилах. Опираясь на эту концепцию, шотландский юрист Нил МакКормик разрабатывает теорию правовых концепций в рамках позитивистского видения Харта, делая акцент на силлогистическом характере правовых норм и, следовательно, подчеркивая роль логики в процессах правового теоретизирования.

Призыв МакКормика к логике убедительно подтверждает идею о том, что закон предоставляет верные ответы. В то же время, МакКормик соглашается с тем, что бывают случаи, когда дедуктивное мышление, то есть силлогистическое применение правил, не способно определить результаты. Что, если правило является двусмысленным и требует интерпретации? Или что, если претензия (жалоба) вызывает новый вопрос в праве? Что же тогда делает судья? По мнению МакКормика, в отсутствие определяющего правила судья должен выбирать между конкурирующими аргументами, причем процесс сводится уже не к дедуктивному рассуждению, а к оценке. Этот аспект правового обоснования влечет за собой выявление и / или развертывание тех аргументов, которые могут обладать наибольшим правовым весом. Откуда берутся правовые аргументы и как их можно охарактеризовать? В соответствии с утверждением МакКормика, они основаны на принципах и стандартах, но не на всех, а лишь на тех, которые проникли в правовую сферу и получили одобрение. Могут вводиться «новые» стандарты или принципы, но они будут бороться за признание до тех пор, пока не получат полное признание в судах.

Согласие - это тот стандарт, который так глубоко внедрен в ткань закона, что обращение к нему имеет огромное значение. В отличие от этого, принцип равенства полов представляется относительно новым в законе, потребовались столетия для того, чтобы обеспечить достаточный контроль над правовыми аргументами для замены презумпции безусловного согласия, оправдывающего изнасилование в браке. Юридическое искажение согласия с целью обеспечения доминирования мужа над телом жены свидетельствует об историческом вкладе закона в оправдание мужской власти, накопление общих стандартов и убеждений, которых придерживаются целые поколения (мужчин) законодателей. Если стандарты и принципы приобретают вес в правовой аргументации в зависимости от степени, в которой они приняты как юридически значимые, результатом почти неизбежно будет нормативный режим, отражающий точку зрения тех, кто получает право участвовать в правовой практике.

Что произойдет, если правовое сообщество станет более разнообразным? Приведет это к юридическому оспариванию более широкого диапазона стандартов и принципов? Можно ли надеяться, что исторически сложившиеся отношения власти будут смещены, поскольку в рамках соглашений правовых аргументов начинают звучать новые голоса? Помогает ли в этом случае правовое обоснование нормативной инклюзии или существуют какие-то особенности процесса обоснования, которые препятствуют согласованию права с интересами и проблемами групп людей, исторически относимых к маргинализированным? В этом контексте особое внимание уделяется двум особенностям анализа МакКормика. Во-первых, он делает упор на логическую структуру закона как системы, основанной на правилах. Это правда, что правовые результаты не всегда (или даже часто) являются продуктом чистой логики, но нормативный режим опирается на логику: структуру логических операций и обоснованную юридическую аргументацию. Поскольку обращение закона к стандартам и принципам происходит в рамках дискурсивной структуры, основанной на логике, легко предположить следующее: когда судьи заняты взвешиванием аргументов (в отличие от силлогистического применения правил), они все же в некотором смысле занимаются логикой. Понятия безошибочности, таким образом, пронизывают весь судебный процесс, затемняя роль оценочных действий при определении правовых результатов.

Второй аспект анализа правового обоснования МакКормика более непосредственно связан с представлением о том, что разнообразие обеспечивает легкое разрешение исторической проблемы позиционности закона. МакКормик утверждает, что функционирующие потребности права как системы регулирования человеческого поведения накладывают определенные ограничения на развитие и применение стандартов и принципов в праве, которые также служат средствами оправдания в правовом диспуте. В частности, для того, чтобы закон выполнял свою работу, процесс принятия решений должен быть последовательным. То есть, дела должны рассматриваться одинаково и они должны быть согласованы в плане органичного включения в более широкую структуру

закона (что повторяет концепцию права Дворкина в качестве целостности). Еще одно ограничение, определенное МакКормиком, заключается в том, что необходимо принимать во внимание последствия решений; необходимо, чтобы судьи оценивали возможное влияние решений вне непосредственных обстоятельств дела. Совместно эти ограничения накладывают значительные рамки на то, каким образом стандарты и принципы умножаются и развиваются в правовом обосновании. Нормативное оспаривание имеет место, но подчинено необходимым ограничениям для обеспечения функционирования правовой сферы в целом. Это означает, что любая попытка изменить нормативный ракурс закона посредством творческого интерпретирования правовых аргументов (в отличие от законодательной реформы) также ограничена. Усилия по очистке правовой доктрины от ее патриархального прошлого должны сочетаться требованием того, чтобы новые решения согласовывались с существующей правовой структурой. Проблемные принципы должны стать авторитетными, а авторитет должен быть независим от их достоинств (вспомним снова примечательную продолжительность освобождения от изнасилования в браке). Указанные проблемные принципы должны содействовать продолжению интеллектуальной структуры, соглашениям и канонам власти, в которых заложены глубокие когнитивные расхождения.

Между тем, уважение к последовательности воплощает в юридической форме эстетику одинаковости и различия, отдавая предпочтение соответствию не выраженным нормативным предубеждениям, что, в частности, дает возможность полагать, что пол (и различия между полами) воспринимается и определяется с юридической точки зрения. Наконец, внимание к последствиям заставляет судей делать умозрительные заявления о будущем, часто основанные на очень недостаточных знаниях и ограниченном опыте. Конечно, степень, в которой последствия могут быть правильно предсказаны, существенным образом зависит от того, что человек знает; однако то, что человек знает, неизменно связано с тем, что он ценит. Когда судья приходит к выводу, что

возложение на полицию обязанности по уходу препятствует эффективной полицейской деятельности, он подходит к этому вопросу с точки зрения того, кто знает, что полиции не требуется угроза для того, чтобы поощрить ее выполнить свою работу.

С другой стороны, тот, кто знает, что существует серьезная проблема с насилием в семье, и обеспокоен тем, что полиция, как представляется, неоднократно отказывает жертвам бытового насилия в помощи, вполне может выразить одобрение к введению обязанности по уходу. Другими словами, последовательные рассуждения настолько хороши, насколько и знания, которые лежат в их основе, и потому представляют ценность. Это говорит о том, что более широкое разнообразие судебной практики посредством расширения образования юристов должно повысить эффективность закона в качестве проводника прогрессивной аргументации. Немногие будут отрицать, что разнообразие является той целью, к которой можно стремиться, хотя и сохраняются реальные трудности с интеграцией различных точек зрения в дискурсивную форму, опирающуюся на свою авторитетность и легитимность. Как мы можем знать, что составляет веский правовой аргумент в отсутствие определенного консенсуса, некоторой общей этической и / или политической ориентации в отношении стандартов и принципов, стимулирующих правовое обоснование? Разнообразие представляет собой серьезную проблему для юридического обоснования, поскольку оно понималось и практиковалось на протяжении веков. Само понятие единственного верного ответа на правовой диспут противоречит идее о том, что различные взгляды на то, как действовать, надлежащим образом могут сосуществовать вместе – в юридическом смысле. Хотя мы видим такое разнообразие каждый день в принятии различных заключений, к которым приходят судьи, мы по-прежнему полагаемся на принцип, согласно которому преобладает только одно верное заключение. Это больше, чем просто прагматическое признание того, что для того, чтобы закон выполнял возложенные на него функции, должен быть сделан некий окончательный вывод. Единство за-

кона, его целостность и непроницаемость имеют решающее значение для авторитета, который закон отстаивает в нашей политической культуре. Дело не в том, что закон всегда и везде должен принимать эту единственную форму: но когда она раз принята, , становится трудным понять иное. Возьмем принцип равенства перед законом, который мы безоговорочно ценим и уважаем: тем не менее, этот же принцип заставляет закон распознавать различные субъекты. Цель права заключается в подавлении различий (в том числе гендерных), что делает понятие разнообразных, отдельных юридических субъектов неразличимым в рамках правовой рациональности.

Вернемся к нашему вопросу, существует ли верный ответ на юридические диспуты или могут сосуществовать друг с другом различные правовые ответы? Я утверждала, что приверженность убеждению в том, что верные ответы существуют, по-прежнему глубоко укоренена в практике правовых рассуждений и в обоснованиях, которые эту практику поддерживают. В то же время приверженность идее верного ответа (с соответствующими предположениями) создает трудности в контексте усилий, направленных на постепенное использование правовых аргументов с целью укрепления равенства. Это не означает, что следует прибегать к использованию инструментов правового диспута, это скорее означает, что их эффективное использование в интересах обеспечения разнообразия правовой практики требует глубокого понимания методов правового обоснования и границ правовой формы.

Отзыв о
ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЕ
студентки группы ЛПП-1501z Ковалевой Ю.И.
«Переводческие трансформации при переводе научных статей по
юриспруденции»

Выпускная квалификационная работа соответствует направлению подготовки 45.03.02 – Лингвистика. Название работы отражает ее содержание.

В первой главе рассматривается специфика перевода и достижения эквивалентности при переводе научных текстов юридического дискурса в русском и английском языках, исследуются трудности при переводе специфической юридической лексики и терминологии, раскрывается содержание понятия *юридический язык legalese*.

Во второй главе представлен лингвопереводческий комментарий по переводу научного и научно-популярного юридических текстов: объем обеих статей в целом составляет 34 358 знаков без пробелов (статья «Epistemic closure and the Scheter case» 7 172 знака без пробелов, статья «Gender, law and jurisprudence» 27 186 знаков без пробелов). Обе статьи написаны современными юристами с использованием богатого запаса как архаичной юридической лексики и терминологии, так и ее самых свежих пополнений в языковом фонде английского языка. В силу этого анализ осуществленных переводческих трансформаций на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях для данных статей представляется особенно **актуальным**.

Следует подчеркнуть специфику работы, обусловленную контекстом профессиональной деятельности исполнителя. Это НЕ исследовательская работа в области лингвистики. Работа представляет собой **переводческое портфолио**, т.е. образцы переводов научных и научно-популярных текстов, выполненных автором. Уровень перевода позволяет судить о сформированности таких компетенций, как: владение методикой предпереводческого анализа текста, способствующей точному восприятию исходного высказывания (ПК-7); владение основными способами достижения эквивалентности в переводе и способностью применять основные приемы перевода (ПК-9).

Автор работы демонстрирует знание: теоретических основ переводоведения (в частности, коммуникативно-прагматических факторов, детерминирующих перевод); уровней эквивалентности перевода и характеристики видов отношений между текстами оригинала и перевода; видов переводческих трансформаций и правила их применения.

Уровень перевода подтверждает владение *навыками* сопоставительного анализа с точки зрения перевода, сходства и расхождений в лексических и грамматических системах и категориях двух языков, в средствах выражения ими различной смысловой информации, а также в тех культурных средах, в которых эти языки функционируют; техникой перевода (переводческими приемами, «трансформациями», заменами); навыками редактирования и форматирования текста; умениями использовать в необходимых случаях компрессию и компенсацию информации.

Несмотря на подчеркнуто прикладной характер ВКР, автор представляет достаточно добросовестный обзор теоретических источников (около 60), владение собственным материалом. Выбранная тема является в какой-то мере логическим продолжением курсовой работы. В этом году автор продемонстрировал достаточный уровень исполнительской дисциплины, понимание общей концепции, смог последовательно сформулировать и решить круг задач, характерных для работ подобного типа.

В целом ВКР Ковалевой Ю.И «Переводческие трансформации при переводе научных статей по юриспруденции» можно считать исследованием, отвечающим требованиям к работам данного уровня, и свидетельствующем об уровне формирования профессиональных компетенций выше порогового уровня. Работа может быть допущена к защите.

29.02.20

Доцент кафедры английской филологии и
методики преподавания английского языка
к.ф.н., доцент

С.О. Макеева